

ПЯТУЧЫ УНІВЕРСІТЭТ
2021

Новые группы и социальная структура

Беларусское общество под
воздействием инновационного
и технологического развития

Отчет по результатам исследования

Автор:

Татьяна Водолажская

Благодарность за помощь в проведении исследования:
Андрею Егорову, Кириллу Мальцеву, Алексею Зенько,
Никите Драчиловскому, Марии Клементьевой, Татьяне
Кедрик и Анне Ковалевой.

© **Летучий университет**, 2021.

Летучий университет

Минск, Беларусь

flyuniby@gmail.com

<http://fly-uni.org>

Оглавление

Резюме	3
Новая социальная структура белорусского общества. Проблема и ситуация исследования...	5
Цели, предмет и объект исследования. Основные понятия и категории	9
Методы и ход исследования.....	11
I. Вовлеченность в «цикл жизни инноваций» и новый образ жизни.....	13
II. Организация труда, занятость и свободное время	26
III. Последствия трансформаций для социальной идентичности и сообществ	44
Общие выводы.....	47
Об авторе.....	50

Резюме

События 2020 года свидетельствуют о серьезных изменениях в общественном сознании и практике гражданского участия в Беларуси. Поиски причин и оснований этого явления могут стать новым толчком к возрождению интереса и жизненной силы социологического знания. И в первую очередь к поиску ответов на вопросы, что представляет собой современное белорусское общество. Данное исследование задумывалось и реализовывалось до начала пандемии COVID-19 и августовских событий 2020 года в стране, однако мы полагаем, что те сущностные изменения в образе жизни, коммуникации и социальной структуре, о которых здесь идет речь, выступили одним из факторов этих политических и общественных изменений. Установка на развитие, отстаивание пространства для реализации своего образа жизни, новые практики коммуникации и взаимодействия — все это возникло не единомоментно, истоки этого необходимо искать в том числе в изменении обстоятельств жизни и деятельности, в тех накопленных внутренних трансформациях, которые иногда незаметны.

Несмотря на закономерное переключение внимания на актуальные общественно-политические процессы, мы считаем, что воздействие инновационной эпохи на общественную практику не только не остановилось, но и получило дополнительный импульс. Трансформации, которые происходят под воздействием технологий и инноваций, стали не просто изменять отдельные стороны жизни, эти стороны жизни задали определенный водораздел между новой и старой эпохами развития белорусского общества. И дело тут и в активном использовании разнообразных технических средств, методов и платформ для коммуникации, координации и организации гражданских действий, и в некоторых установках, образе мысли и действия, которые дали всплеск активности. А это означает, что наметившиеся линии преобразования социальной структуры общества получают свое развитие и закрепление в условиях институциональных преобразований в стране.

В ходе исследования мы рассмотрели потенциальные изменения в социальных отношениях в связи с вовлеченностью в инновационные процессы производства и потребления. Исследовали соотношение между самоописанием новых групп и различиями, которые можно выявить в образах жизни и действия. Определили факторы, которые способствуют или препятствуют тому, чтобы человек становился причастным к инновационному и технологическому развитию: установку на новизну, компетенции инновационной эпохи и доступность.

Во второй части мы обратились к изменениям, происходящим в сфере труда и занятости, и выделили ряд ключевых явлений, которые оказывают преобразующее воздействие на социальное пространство. Были проанализированы: «проектность» в организации труда,

развитие дистанционных форм и трансформация свободного времени, а также творческий и предпринимательский характер нового времени.

В завершении мы обратились к тем эффектам, которые приносят эти преобразования в самоидентификацию и структуру социальной идентичности.

Новая социальная структура беларусского общества. Проблема и ситуация исследования

В Беларуси растет и расширяется сектор, связанный с технологиями и инновациями, и этот рост характеризуется не только увеличением числа предприятий, рабочих мест, образовательных программ, но и формированием в общественном сознании представлений о новых социальных группах, имеющих свой образ жизни, установки и т.д. Эти представления оформляются во взаимном «всматривании» людей с разным опытом, образом жизни и установками друг в друга. Можно говорить, что изменения, связанные с трансформацией экономики, систем коммуникации и другими технологическими новшествами, запускают работу социального воображения, посредством которого постепенно оформляются новые социальные отношения и социальная структура*.

Свидетельствами того, что этот процесс идет, являются, например, новые стереотипы («айтишники — привилегированный класс»), концентрация носителей определенного образа жизни и профессий (условных хипстеров) в тех или иных городских пространствах и площадках и формирование соответствующего имиджа для них, заполнение публичных пространств (кафе) работающими удаленно людьми, появление нового типа помещений (коворкингов), взрыв активности и разнообразия социальных сетей. Но, кроме подобных проявлений, на уровне повседневности и коммуникации фиксируется разрыв и в таких объективных показателях, как размер заработной платы (в 2017 году работники сферы «информация и связь» имели зарплату размером в 288% от средней по стране).

Современная социологическая теория предлагает ряд концептов и понятий, с помощью которых схватываются те или иные эффекты и последствия цифровизации, изменения экономики, развития коммуникаций и более широко — эффекты четвертой промышленной революции, скачка технологического развития и наступления инновационной эпохи. В разных случаях используются различные обозначения, фиксирующие качественные

---

* **Социальная структура** — это: 1) разделение людей на группы в соответствии с наличием (или мерой) того или иного признака (значимого для общественной жизни); традиционно наиболее значимым является разделение по критериям: принадлежность к классу (исходя из отношения к средствам производства), поколению, уровень дохода/потребления и образ жизни, профессия или тип занятости, культурная/этническая идентичность, расовая и гендерная принадлежность и т.д.; 2) отношения между группами и интерпретация этих отношений; чаще всего речь идет об иерархии или о реализации власти, но также можно себе представить другие способы выстраивания отношений: от борьбы до топики, или соприсутствия в общем пространстве.

изменения во всех областях жизни в связи со стремительным развитием технологий, телекоммуникаций и т.д. Речь идет о «цифровых номадах», «цифровых поколениях», «сетевом обществе», «креативном классе» и «прекариате» (как опосредованно возникающих в связи с изменениями сферы труда) и т.д. Эти группы выделяются учетом новых способов организации труда, развитием способов и средств коммуникации, переформатированием потребления. И вместе с ними отмечается формирование новых оснований для социального неравенства^{**}.

Следует обозначить проблемы двух типов.

Социологическая проблема, которой посвящено данное исследование, состоит в неразработанности адекватных категорий и понятий, которые позволяют видеть сущностные изменения белорусского общества. Здесь важны как проблематичность той оптики, которая позволит не только фиксировать новые явления, но и видеть нарастающие противоречия и разрывы, формировать необходимые практики в общественной, культурной и политической жизни, так и собственно учет белорусского контекста, который является сложным сочетанием общемировых тенденций, инерционного и деформированного продолжения трансляции советских социальных институтов, а также собственных сложившихся социальных отношений в рамках авторитарного режима, устанавливающего собственные иерархии и статусы.

Одной из попыток дать описание современного белорусского общества через оптику готовности к трансформациям (опирающуюся на концепцию философа и методолога Владимира Мацкевича о «трех мирах»¹) было исследование под руководством социолога Оксаны Шелест². В нем предлагался формат верификации представлений о различных установках и позициях по отношению к инновациям. В итоге было зафиксировано преимущественно позитивное отношение граждан Беларуси к инновациям (особенно в технической сфере), были выделены две (практически равновесные по размеру) группы с «инновационной» и «консервативной» стратегиями потребления (высокая восприимчивость к инновациям была отмечена у 18,9% респондентов, низкая восприимчивость — у 16,0%)^{***}.

^{**} **Социальное неравенство** — это такая форма отношений между группами (в структуре), при которой группы обладают неравными возможностями в удовлетворении своих потребностей или неравными жизненными шансами. В самом общем виде неравенство означает, что люди живут в условиях, при которых они имеют неравный доступ к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления.

¹ См.: Владимир Мацкевич. Глобальное потепление после холодной войны // Летучий университет. — 16.11.2017: <https://fly-uni.org/stati/globalnoe-poteplenie-posle-holodnoj-vojny/>.

² См.: Оксана Шелест. Социальная база программ трансформаций в Беларуси // Центр европейской трансформации. — 13.03.2017: https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/5/CET/2017_Innovation-Belarus-RU.pdf.

^{***} Анализ интенсивности инновационного поведения, использования разного рода новых (или сравнительно новых) услуг, а также образовательных практик показывает, что, во-первых, технические и товарные инновации и услуги более востребованы, чем социальные и образовательные, а во-вторых, что традиционные формы «потребления» образования и культуры по-прежнему преобладают над новыми. Распространение новых форм

Эти группы различаются по возрасту и образованию. Но в рамках исследования они представляют собой «статистические группы» («классы на бумаге»), и мы пока не можем уверенно говорить о них как об элементах социальной структуры.

Однако чаще мы наблюдаем описание белорусского общества в традиционных категориях современного и индустриального общества. Людей делят на группы по уровню доходов, по месту жительства и локализации образа жизни (городское и сельское население), по возрасту, по профессии или роду деятельности, образованию и т.д. Эти социальные группы не коррелируют с набирающими вес процессами, связанными с инновациями и технологическим прогрессом. В упомянутом исследовании Оксаны Шелест группы, выделенные исходя из установок по отношению к инновациям, получают те или иные описания в рамках традиционных делений (пол, возраст и т.д.), однако это описание существенно не прибавляет знания о сути этих групп.

В данном исследовании мы ставили перед собой задачу разобраться в основаниях для выделения новых социальных групп. Мы искали ответы на следующие вопросы:

- Какие изменения происходят в социальной структуре и социальных отношениях белорусского общества под воздействием инновационной экономики и с развитием технологий?
- Возникают ли новые социальные группы и какие?
- По каким основаниям и критериям формируются новые различия?
- Происходит ли смена социальных иерархий и стратификации?
- Каковы новые разделительные линии в обществе (если они есть)?
- Как видят друг друга новые группы (страты, слои)?
- Какие проблемы и сложности возникают у этих групп в доступе к ресурсам, возможностям и т.д.?

Кроме собственно социологического, необходимо отметить **методологическое изменение проблемы**, важное для понимания процесса исследования и движения рассуждений.

Спецификой социологического выделения социальных групп, общностей или страт является сосуществование двух разных стратегий. Мы можем выделять группы на основании принятых и теоретически обоснованных критериев. Эти критерии позволяют разделить всю

занятости нельзя назвать широким — тем не менее, каждый четвертый белорус хоть раз в своей жизни прибегал к тем или иным формам занятости или получения дохода, отличным от традиционных для Беларуси: например, открытие собственного бизнеса, ремесленничество, дистанционная работа или работа в качестве фрилансера, создание общественных организаций или участие в них и т.п.

совокупность населения на «классы на бумаге». В случае, когда принятая теория (и выделенные на ее основании группы) имеет объяснительную и прогностическую силу (т.е. социологическую валидность), социальные группы характеризуют общими, значимыми особенностями: образом жизни, установками, поведением и т.д. Другой способ выделения может отталкиваться от анализа большого числа данных о поведении, ценностях, установках и т.д. и статистически вычислять группы, включая в них «близких» по анализируемым характеристикам людей. Затем такие эмпирически обнаруженные группы могут быть содержательно проинтерпретированы и описаны. Но и они также являются «классами на бумаге» в том смысле, что их границы задаются исследователем и его способом определять значимость тех или иных характеристик либо расчетами и способностью к интерпретациям.

Принципиально иной способ обнаружения групп — «классы для себя». Здесь мы можем говорить о том, что те или иные группы обнаруживаются через взаимное отражение или через представления о себе как о группе. В ситуациях отсутствия «предложения» со стороны исследователей, аналитиков или интеллектуалов, отражаясь в глазах друг друга, группы могут осознавать свои отличия от других, проводить границы, формировать чувство принадлежности и идентичность. В жизни общества такие группы тем или иным способом проявляют и манифестируют себя, иногда вопреки сложившимся способам научного описания общества.

Классика социологического знания говорит о том, что часто выделенные «на бумаге» группы или слои, получив свое «имя» в работах аналитиков, исследователей и экспертов, присваивают это имя и значимость различий, становясь «классом для себя», обретая идентичность и чувство принадлежности, а может, и солидарности. С другой стороны, социологическая проницательность и внимание предполагают, что проявление признаков новых групп (для себя) должно становиться основанием для пересмотра социологического инструментария описания общества.

Методологическим обстоятельством нашего исследования является то, что мы не имеем надежных и четко прописанных оснований для выделения «классов на бумаге». Мы пользовались разработанными и предлагаемыми концептами, но лишь в режиме «примерки», т.к. не имеем представления о том, насколько они релевантны актуальной белорусской ситуации. С другой стороны, мы постарались учитывать те имеющиеся взаимные представления и самопредставления о новых группах или их границах, чтобы опереться на них как на проявленные различия.

Другое обстоятельство состоит в том, что мы не имеем возможности дать систематичное и полное описание социальной структуры белорусского общества, как в силу ограниченности исследовательских ресурсов, так и в силу того, что новая структура еще только рождается и проявляет себя точечно. Поэтому наше исследование направлено на фиксацию отдельных групп и их характеристик, которые связаны с воздействием инноваций и технологий.

Цели, предмет и объект исследования. Основные понятия и категории

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы сформулировать актуальные для современного белорусского общества основания для выделения социальных групп, которые будут отражать социальные изменения (групповые, общественные отношения) в контексте инновационных процессов, и **дать описания появляющихся групп**.

Практическая цель состоит в том, чтобы, опираясь на знания о формирующихся группах и отношениях, инициировать политические, культурные или социально-эстетические практики презентации, интерпретации и осмысления этих групп в их взаимном позиционировании, установлении отношений. Дополнительной **культурно-политической целью*** является смена устаревших, наивных или нерефлексивных способов работы с белорусским обществом на работу с формирующимися, но еще не проявленными проблемами.

В качестве **предмета** исследования мы определили представления о границах, характеристиках, преимуществах и ограничениях новых социальных групп, возникающих под влиянием факторов инновационного и технологического развития.

Объектом исследования стали представители возникающих новых групп. Поиск репрезентантов этих групп велся методом «снежного кома», критерии базировались на выделенных теоретических основаниях.

В связи с отмеченными сложностями методологического характера, обозначим **основные понятия и категории**, которые используются в исследовании.

Под **социальными группами** мы понимаем такие совокупности (множества) людей, которые выделяются по значимым признакам и характеризуются сходным комплексом образа жизни, поведения, реакций на те или иные события и обстоятельства, и эти характеристики отражаются в их самопредставлениях и в представлениях других о них. Социальные группы мы выделяли посредством последовательного взаимного приближения и соотнесения характеристик, конструируемых из концептуальных и теоретических

---

* Здесь имеется в виду программа «Культурная политика», которая с 1994 года реализуется белорусским методологическим сообществом под руководством философа и методолога Владимира Мацкевича. Целью программы является трансформация белорусского общества через рефлексию и смену норм и ценностей, которые задают общественную практику.

предположений и на основе анализа самопредставлений и представлений о социальных группах респондентов.

В понимании **инновационного и технологического развития**, которое оказывает воздействие на общество, а именно на социальные группы, отношения между ними и их границы, мы ограничились рассмотрением следующих характеристик:

- Развитие и распространение **технологий телекоммуникации и передачи информации** (дигитализация и виртуализация), которые оказывают воздействие на скорость передачи и разнообразие форм информации, ее массовизации, глобализации и доступности. Под этим воздействием происходят изменения в природе и структуре социальных связей (их глубина и временные характеристики, виртуальность и соотношение с офлайн-связями) и групповых границ (их проницаемости, мобильности). Развитие телекоммуникаций меняет значимость условий доступа к информации;
- Изменения в **организации и содержании труда и производства**: повышение значимости знаниевых продуктов (идей, инноваций) и сферы услуг, увеличение рынка символического производства (пиар, реклама и другое, связанное с индустрией потребления), развитие временных проектных форм организации труда, мобильных и виртуальных форм занятости, параллельное развитие стандартизации и массового производства, производства уникальных, *handmade*-продуктов;
- Обновление как образ жизни: **установка на постоянный быстрый поиск «нового»**, оестествление инноваций в повседневности и работе как внешнего процесса, определяющего условия жизни и деятельности («дождь инноваций»).

Мы отдаем себе отчет, что этими характеристиками не могут быть описаны все воздействия и все тенденции революционных изменений, связанных с технологическими инновациями. Здесь мы ограничились рассмотрением социальных эффектов, вызванных именно этими тенденциями.

Под **инновацией** в этом контексте мы понимаем не внедренное новшество и не определенный тип изменения, а прежде всего **результат технологизации творчества и производства нового в любой из сфер**: материальные продукты, социальные изменения, культура и т.д. А там, где новизна становится главным критерием и основанием производства, мы говорим об инновационном производстве.

Наше исследование сосредоточено на трех сферах. В них происходят преобразования, которые задают формирование новых социальных групп, социального структурирования, изменение статусов и общественных отношений:

- 1) Изменения в образе жизни и потреблении инноваций;
- 2) Изменение сферы труда и свободного времени;
- 3) Изменения в структуре социальной идентичности и принадлежности сообществам.

Методы и ход исследования

Исследование имеет поисковый, качественный характер. Описанные выше методологические проблемы поставили задачу обнаружения возникающей новой социальной структуры и отношений в самоописаниях, обсуждении образа жизни, проблем неравенства и т.д.

На первом шаге был проведен анализ актуальных исследований, связанных с изменениями образа жизни и социальных отношений в современном обществе. Вторым шагом стал анализ белорусской ситуации. Эмпирический материал исследования был получен в ходе глубинных интервью и фокус-групп.

Первый этап включал в себя проведение 12 глубинных интервью с людьми, которые либо представляли выделенные в ходе предварительного (теоретического) анализа группы, либо имели профессиональное отношение к тем факторам и основаниям, которые воздействуют на социальную структуру. Среди них были бизнесмены, развивающие инновационный бизнес и площадки для коммуникации, эйчары (*HR*), люди, работающие в международных проектах (в том числе экспаты), люди со сложной карьерной траекторией и множественными идентичностями, люди, работающие с сообществами и проблемами неравенства.

Структура интервью включала в себя обсуждение:

- места и самоопределения в инновационной экономике и потреблении, образа жизни, характера занятости и свободного времени и т.д.;
- компетенций и необходимых знаний для включения в современную экономику и потребление, характера карьерных траекторий;
- характера и структуры коммуникации, включения в сообщества и позиционирования своих групп и сообществ относительно других групп;
- препятствий и барьеров для включения в инновационные процессы, а также новых проблем и напряжений, связанных с формированием новых образов жизни, новых форм коммуникаций, новой занятости.

Целью глубинных интервью было: выявление признаков и характеристик групп, появляющихся в ходе инновационного развития; определение преимуществ и проблем данных групп; определение степени их зрелости, как на уровне самопонимания и идентичности, так и на уровне формирования их образа среди других групп.

Второй этап эмпирического исследования включал в себя проведение 6 фокус-групп. Целью фокус-групп была проверка гипотез, выдвинутых на первом этапе. Фокус-группы собирались в соответствии с выявленными характеристиками становящейся социальной

реальности: в частности, расширение нестандартной занятости как фактора изменения образа жизни и выстраивания социальных отношений; предпринимательство как установка, сопутствующая развитию инновационных процессов; рефлексия барьеров и препятствий для включения в инновационную экономику; новый тип сообществ и структурирования социальной идентичности; определенный круг компетенций для будущего. Одна из фокус-групп была посвящена ситуации с пандемией COVID-19 как дополнительному фактору изменений в обществе, т.к. происходящие события актуализировали некоторые факторы воздействия инновационной эпохи.

Темами фокус-групп стали:

- «Нестандартная» занятость;
- Предпринимательство как образ жизни;
- Социальные и культурные барьеры для вхождения в инновационную экономику;
- Новые сообщества и идентичность;
- Компетенции в эпоху инноваций;
- Социальный след пандемии COVID-19.

В фокус-группах приняли участие **25 человек**, представляющих различные сферы (бизнес, искусство, ИТ, медиа и реклама, управление, общественные активисты, ремесленники и т.д.), различного возраста (от 25 до 60 лет) и с различными типами занятости (наемные работники, фрилансеры, предприниматели и т.д.). Большинство участников было из Минска, это следствие как условий проведения фокус-групп, так и большей представленности тех, кто может говорить на данные темы, в столице.

Исследование проводилось: **первый этап** — в период: 15 февраля — 15 апреля 2020 года; **второй этап** — в период: 15 июня — 30 июля 2020 года.

Результаты исследования представлены ниже в трех блоках, которые раскрывают сферы, где происходят преобразования, формируются новые социальные группы и отношения.

I. Вовлеченность в «цикл жизни инноваций» и новый образ жизни

В качестве первого основания для трансформации социальной структуры белорусского общества рассмотрим **место и отношение человека к инновационным процессам**. Такую оптику для анализа жизненных стратегий, связей и отношений людей использовали в своих разработках испанский социолог Мануэль Кастельс (теория сетевого общества³) и белорусский философ и методолог Владимир Мацкевич (разделение на «три мира» по потреблению инноваций⁴). На их рассуждения мы опирались в своем исследовании. Эти две концепции исходят из разных оснований, и каждая фиксирована на рассмотрении определенных проблем. Здесь мы не ставим задачу сравнительного анализа, мы обращаем внимание на ряд моментов, которые объединяют их и характеризуют такую оптику взгляда на социальную структуру общества.

Первое: **общество и социальные группы рассматриваются как глобальные и неограниченные национальными или культурными рамками**. Это означает, что внутристрановые процессы могут влиять на наличие представителей той или иной группы в обществе, ее место и значимость, но не влияют на основания для появления такой группы. Кроме того, глобальный характер социальных групп сказывается на идентификации, самоопределении и чувстве общности, коллективной субъектности, которые могут быть слабо связаны с местом проживания или деятельности. Трансграничный характер групповой самоидентификации — не новое явление, даже пролетариат, в полаганиях марксистов, должен был иметь интернациональный характер. Однако в эпоху национальных государств реальные социальные связи и самоопределение объединяли в первую очередь людей внутри стран, каждая из которых задает ключевые характеристики образа жизни, возможностей и потребностей. Развитие средств коммуникации и новые технологии сделали интернациональный характер социальных групп не полаганием и возможностью, а социальной реальностью.

Второе: **в обеих концепциях выделяются три группы (страты) по их месту и вовлеченности в инновационный процесс**. Владимир Мацкевич предлагает в качестве основания способ вовлеченности в потребление инноваций, имея в виду, что установка на инновации делает

³ См.: Мануэль Кастельс. **Власть коммуникации**. — М., 2016: // Издательский дом Высшей школы экономики. — 22.12.2015: https://id.hse.ru/data/2015/12/22/1132940537/Castells_site.pdf.

⁴ См.: Владимир Мацкевич. **Глобальное потепление после холодной войны** // Летучий университет. — 16.11.2017: <https://fly-uni.org/stati/globalnoe-poteplenie-posle-holodnoj-vojny/>.

своих адептов первыми потребителями. Три группы в данной концепции таковы: первая группа — те, кто стремится быть первым в потреблении и освоении инноваций, проявляет инициативу и своим образом жизни задает интенцию к производству инноваций; вторая группа — те, кто адаптируется к инновациям в силу необходимости, чтобы не отставать в развитии (это догоняющая установка и способ действия); третья группа — те, кто сопротивляется проникновению инноваций в свою жизнь, здесь происходит насаждение или вынужденное потребление инноваций, когда нет больше возможности сопротивляться.

Мануэль Кастельс, представляя глобальное общество как сетевую структуру, построенную вокруг обмена и передачи инноваций, идей и информации, говорит о месте людей в этой сетевой структуре и также выделяет три группы: первая группа — те, кто находится в «узлах» (местах концентрации, сгустках) производства идей и инноваций; вторая группа — те, кто вовлечен в обслуживание системы производства и обмена, создает инфраструктуру циркуляции идей, продуктов и технологий; третья группа — те, кто исключен из этих сетевых отношений, имеет маргинальное положение по отношению к этой системе либо в силу обстоятельств, либо в силу собственного позиционирования и решения.

Несмотря на различия, мы видим в обеих концепциях фиксацию на встроенности в систему производства—потребления инноваций. Характер отношений в этой системе создает определенный образ жизни и социальные связи. И это, в свою очередь, создает основания для выделения новых слоев (страт).

Можем ли мы обнаружить эти страты и их границы в жизни современного белорусского общества?

В ходе интервью и фокус-групп мы просили респондентов описать, **как они видят себя и окружение, охарактеризовать социальные группы, к которым они чувствуют свою принадлежность, представить свой взгляд на то, как выглядит и структурируется общественное пространство.** В целом, можно сказать, что в представлениях участников исследования, в их самоописаниях, в описаниях своего окружения и белорусского общества искомые страты и группы представлены очень слабо. Вне зависимости от фактического отношения к инновационному производству и потреблению, наши респонденты не использовали фактор инновационности, чтобы как-то описать или структурировать социальное пространство. То есть, если спросить человека, который владеет инновационным бизнесом или организует стартап-площадки, о том, какие он видит в белорусском обществе слои и группы, то он обратится к самым разным основаниям, но с высокой долей вероятности среди них не будет ни характеристик инновационного потребления, ни вопросов вовлеченности в передовое производство, в том числе для описания собственного места и позиции. Также не используют это основание и те, кто далек от сферы высоких технологий.

Можно говорить, что **инновационность пока не включена в социальное воображение белорусского общества**, включенность или причастность к процессам производства и потребления инноваций не имеет принятого в обществе «имени», не присутствует в системе социальной самоидентификации. Выделенные группы не существуют как «классы для себя».

В то же время, в самоописаниях и описании близких по образу жизни или работе людей часто используются личностные качества, в которых стремление к новизне, определенная авантюризм, готовность создавать свое «дело» являются важными характеристиками:

«Я каждый день выпихиваю себя из зоны комфорта, иначе все самое интересное случится с кем-то другим. И эта мотивация для меня сильнее всего остального»;

«Мне кажется, что самое страшное — это лишение возможности двигаться вперед для каждого из этих людей. А все остальное — просто какие-то индивидуальные детали»;

«Человек совершенно не зашорен и склонен и любит воспринимать что-то новое. Он настолько любит пробовать что-то новое, что готов пробовать все, что ему показывают»;

«Есть разница и в настроениях людей. Первые (кто близок к инновациям) — подвижные, целеустремленные; вторые — традиционно думают в духе «чего дергаться»*.

Такая конфигурация представлений о себе и социальном пространстве (когда обозначение группы происходит как выделение каких-то личностных качеств) может говорить о начальном этапе становления новой социальной структуры, здесь социальное воображение делает первые шаги. И, как известно, процессы формирования представлений о себе как о группе чаще задаются «извне», теми, кто в практических или политических целях выделяет некоторые общности или группы, номинирует их, запускает новые наименования в реальность и освоение культурой, тем самым запуская процесс социального конструирования и воображения⁵.

Используются ли характеристики вовлеченности в инновационные процессы и потребление в описании белорусского общества в практических целях? Например, теми, кто работает с продвижением инновационных товаров и продуктов, кто может таким образом искать и обозначать свои целевые группы? Их работа с «аудиторией» может стать источником

---

* Здесь и далее кавычками и курсивом выделены цитаты из ответов респондентов, полученных в ходе исследования (прим. ред.).

⁵ Подробно процесс воображения и конструирования таких общностей, как нации, представлен в книге Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества». В ней показана значимость воздействия «внешних» факторов номинации для социальных групп.

появления имени группы и включения в публичный дискурс новых способов структурирования социального поля.

Анализ содержания интервью и фокус-групп показал, что в представлениях экспертов и практиков люди, близкие к инновациям, видятся как «участники раннего рынка — новаторы и ранние последователи»⁶ в рамках маркетинговой стратегии продвижения хайтек-продуктов. Здесь также речь идет скорее об определенных личностных качествах и «потребительском поведении», которое стимулирует постоянный поиск и использование новых продуктов, а также позволяет производителям получить обратную связь.

Ключевой характеристикой здесь называется постоянная готовность к новому:

«Они не заклиниваются на каких-то вкусовых предыдущих предпочтениях, они готовы допускать вариации, которые раньше не замечали».

Однако и в практическом применении мы пока не наблюдаем создания какого-то социального имени и обозначения границ новых групп. При этом в риторике и описаниях этих респондентов отмечается, что люди, обладающие описанными характеристиками, не только имеют эти черты, но и опознаются через связи между собой. Эти связи основаны на обмене информацией, интенсивной коммуникации, соприсутствии в определенных местах (реальных и виртуальных). Так формируется образ общества как своеобразной сети со своими «узлами», заданными интенсивностью коммуникации, близостью и дальностью образов жизни, потребления, поведения. Сила и значимость вовлеченности в такие коммуникативные сети в дальнейшем могла бы стать объективированным индикатором для выделения новых социальных слоев.

Эта сеть подчеркнута интернациональна, и возможность включения в нее определяется инфраструктурой, которая способна обеспечить человеку необходимый и соответствующий образ жизни, чтобы быть включенным в коммуникацию и инновационное производство. Так, наличие в определенной стране, городе или районе хорошей телекоммуникационной связи, платежных систем и доступа к различным инструментам выступает естественной границей для принадлежности к людям «первого мира»^{**}.

Возвращаясь к потенциалу социального конструирования, основанного на практических или политических интересах, следует отметить, что его ограничивает специфика «локального рынка», который характеризуется тем, что большинство инновационных

⁶ Речь идет о теории, предложенной в книге Джеффри Мура «Преодоление пропасти. Как вывести технологический продукт на массовый рынок» (М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2013).

^{**} В упомянутой выше концепции Владимира Мацкевича люди «первого мира» — это те, кто является первыми потребителями и производителями инноваций и задает общую траекторию инновационного развития.

продуктов, производимых здесь, представляет собой скорее адаптацию того, что уже было сделано в других местах:

«Многие предприниматели живут только лишь за счет того, что адаптируют какие-то успешные бизнесы, которые состоялись в ведущих странах типа Америки и Китая, к локальной ситуации Беларуси».

Это, в определенном смысле, снижает планку амбиций в продвижении действительно новых продуктов. Соответственно, редкие представители «первого мира» просто не улавливаются этой маркетинговой схемой как целевая группа, т.к. их вовлеченность в мир инноваций разворачивается преимущественно не здесь.

Итак, новые социальные слои только намечаются в общественном пространстве и пока не обнаруживаются в статусах и социальных представлениях. Но мы можем зафиксировать ряд факторов, которые усиливают различия между людьми, связанные с инновационной эпохой, и задают основания для нового социального структурирования. Кратко эти факторы можно обозначить как установку на новизну, специальные компетенции и отсутствие фактических преград для участия в производстве и потреблении. Разберем их подробнее.

Установка или готовность к инновациям (культ новизны). Речь идет о наличии или отсутствии определенных установок и взглядов на мир, которые обычно коррелируют с верой в науку и прогресс, интересом к технологическим решениям, а также высокой мобильностью, как географической, так и профессионально-трудовой. В качестве опознавательных признаков таких людей называется следующее:

- **Комплекс личностных качеств:** любознательность, готовность сменить вкусы, взгляды, привычки, отсутствие сильной привязанности к вещам, местам, людям, делам. Противоположной установкой является приверженность традициям, ритуалам или сложившемуся положению вещей:

«Желание новое гуглить, пробовать, и вера в то, что новые продукты могут значительно упростить нашу жизнь»;

«Кажется, что самое страшное — это лишение возможности двигаться вперед для каждого из этих людей»;

«Моя мама никогда не заказывает в ресторане новые блюда, всегда ест только то, что знает»;

«Важна открытость, готовность включиться в новые отношения, новый проект».

- **Образ жизни, типичное поведение и привычки:** постоянное потребление информации, серфинг по научным, техническим или иным платформам про инновации и разработки, участие в конференциях, семинарах, хакатонах, митапах и

коммуникация на специальных площадках, как профессиональная, так и по «модным темам». Отмечается разнообразие интересов, одновременная вовлеченность в разные проекты и сообщества разной направленности, а также пользование онлайн-курсами, обучающими и просветительскими, тематическими подкастами, лекциями и нон-фикшн-литературой для профессионального и личного развития и получения новых навыков. Кроме того, характерным является особое внимание к различным психологическим или духовным практикам, направленным на самосовершенствование и саморазвитие, а также активная приверженность каким-либо ценностным, социальным течениям (защита экологии, феминизм и т.д.), которые проявляются в пользовании *sharing*-сервисами и поддержке идей *sharing economy*. Показательной характеристикой является высокая мобильность:

«Я последний год провожу поровну времени в Беларуси, России, Польше и Франции и еще пятую часть в других странах, их длинный список. И мои партнеры разбросаны по разным странам, и общаюсь с ними часто исключительно в мессенджерах. Последние семь лет я делаю по 70 перелетов на самолетах в год»;

«Условно, из восьми часов два часа в день им необходимо просто читать новости»;

«Я люблю работать в совершенно неожиданных местах»;

«Каждую зиму последние три года мы ездим на Гоа, потому что компания друзей, с которой я сейчас общаюсь, разбросана по всему миру, и наша единственная возможность встретиться — это выбрать одно место, куда мы приедем встречать Новый год»;

«Многоразовая кружка и вообще какие-то вещи, которые позволяют производить меньше мусора. Я стараюсь приводить свою жизнь в большее соответствие с этим стандартом»;

«Это клевое — быть частью активизма».

В зависимости от наличия такой установки на новизну, у отдельного человека может быть больший либо меньший шанс на включение в ту или иную страту. Стремление к новизне является как индивидуальной особенностью человека, так и спецификой культурной среды или сообщества, в котором человек вырос или живет. Сегодня в рамках проектов по развитию инновационных производств и привлечения ИТ-работников нередко говорят о важности не только удовлетворения нужд и потребностей, но и о целенаправленном создании среды, культивирующей поиск, новизну, риск как неотъемлемые и значимые компоненты образа жизни. Создание и развитие такой среды расширяет возможности формирования и проявления новых социальных групп.

Компетенции для включенности в потребление и производство инноваций.

Этот фактор включает в себя способности человека решать определенный класс задач, а также наличие полномочий для их решения. В отношении к инновационному потреблению и производству речь идет о наличии таких способностей и полномочий, которые дают доступ к включению в инновационные процессы. В ходе интервью и фокус-групп респондентами были названы компетенции, которые значимы для современных белорусов в их отношениях с миром инноваций. Можно выделить несколько групп таких компетенций:

- Первая из них включает **цифровую, медиа-, финансовую и правовую грамотность**. Все то, что позволяет умело пользоваться новшествами, приобретать их, отслеживать появление, отбирать и т.д. Отсутствие таких компетенций, наоборот, делает мир инновационного производства и потребления недоступным:

«Если в условном городе большинство работает на заводе, им не нужен английский, и там это знание воспринимается не как необходимый инструмент, а как достижение»;

«В Беларуси традиционно плохо понимают — и предприниматели, и вообще население в целом — какие-то простейшие финансовые принципы».

- Другая группа компетенций соотносится с необходимостью **постоянной, широкой коммуникации и взаимодействия, решения задач в условиях неопределенности, освоения новых сфер и связывания их между собой**:

«Способность, то, что называется, в кавычках, «решать проблемы» или «решать вопросы», потому что это бесконечный поток постоянных проблем и сложных вопросов с высокой степенью неопределенности»;

«Осмысливать и структурировать информацию и смотреть на нее с самых разных сторон. Вот умение приложить абсолютно любую информацию, абсолютно все, что происходит, любые инфоповоды: коронавирус, падение нефти, абсолютно любые вещи приложить к своим целям и представить, знаете, как рыба-прилипала присосаться к этой огромной акуле в своих интересах — это требует очень большой гибкости ума и очень большого умения осмыслить информацию и развернуть новой стороной»;

«Когда попадаешь в новый проект, там всегда свой внутренний язык, и очень важно быстро «войти» в этот язык»;

«Очень-очень много именно общения, и коммуникативные навыки выходят здесь на первую роль».

- Третьей группой могут быть названы **компетенции, связанные с необходимостью постоянного развития**: самообразование, самоопределение, формирование планов, организация времени и траектории своего развития:

«Если ты не готов к самообучению, то останешься на самых нижних этажах (в ИТ) или вообще не попадешь в эту сферу»;

«Важны умение организовать себя, умение ориентироваться в пространстве, умение ставить цели и достигать их»;

«Творческое мышление, т.к. многие ниши заняты, и успеха добивается тот, кто придумывает что-то новое»;

«Важно суметь завершить проект, навык соблюдения всех этапов реализации проекта»;

«Не все люди находятся на таком уровне осознанности, чтобы быть целеустремленными, договариваться с собой, ставить цели».

Экономическая, инфраструктурная и институциональная доступность также является значимым фактором, порождающим новые социальные различия. Несмотря на удешевление товаров и услуг и расширение возможностей потребления, следует предположить, что имеются объективные ограничения на мобильность, оплату, коммуникацию и т.д. Ограничения в передвижении или в распоряжении своими средствами (например, физические препятствия, обремененность уходом за другими людьми и т.д.), отсутствие необходимой инфраструктуры в удаленных местах накладывают дополнительные ограничения на формы потребления инноваций, на включенность в их производство. В определенном смысле, фактором может выступать и институциональная принадлежность, например, определенные виды государственной службы, принадлежность к закрытым сообществам и т.д.^{***} или «уклад», т.е. установки и образ жизни той социальной группы, к которой человек принадлежит.

Здесь речь идет об объективных, внешних и независимых от самого человека (в отличие от вышеперечисленных) факторах. Интересно, что по отношению к таким обстоятельствам часто транслируется эгалитаристская установка: «мир будущего и технологий открыт всем». Доступность, которую обеспечивает развитие телекоммуникаций, и новая мобильность как бы распространяются и на возможности человека быть вовлеченным в мир новых технологических и инновационных решений, снимают все преграды.

Предложение рассмотреть возможные физические (географические, телесные) или социальные и экономические барьеры включения в мир инноваций в ходе интервью и фокус-групп чаще всего встречалось с отрицанием каких-то существенных ограничений в

^{***} Например, люди, вовлеченные в государственное управление, могут быть институционально отрезаны от возможности включаться в коммуникацию и отношения социальных сетей, построенных вокруг производства и обмена инновациями.

доступе: «*вход открыт всем, это может любой*». Основное препятствие относится к личностным качествам человека или отсутствию амбиций.

Такая установка отмечалась и в других исследованиях, затрагивающих ИТ-сферу, и не может быть отнесена к специфике тех, кто принял участие в нашем исследовании. Поэтому важно обсудить основания для трансляции таких представлений. Можно выделить несколько:

- Общая «миссионерская» установка, характерная для новаторов и тех, кто сам вовлечен в мир инноваций. Новые возможности, которые расширяют способности человека, сопряженные с модным «позитивным мышлением», создают культуру или даже культ оптимизма в возможностях решения всех проблем через применение новых технологий;
- Ограниченность социальных взаимодействий с близкой по опыту и поведению группой и отсутствие серьезных препятствий в собственном опыте людей, принявших участие в исследовании, возможно, ведет к нерефлексивной экстраполяции собственных представлений на всех остальных;
- Несовпадение «логик рассуждения» в оценке перспектив и принятии решений у разных групп. Одни (инновационные оптимисты) могут пользоваться логикой выгод и издержек для дальнейшего успеха. Здесь усилия для вовлечения в мир инноваций рассматриваются как своего рода инвестиции, тогда как логика других людей часто строится на воспроизводстве имеющегося образа жизни, порядка действий, в который вовлечены другие люди. Основание инновационных технологий требует серьезного разрыва, в том числе социальных отношений. Здесь сталкиваются логики инвестиций и воспроизводства, традиции.

То, что высказывание «вход открыт всем, это может любой» является скорее установкой, а не реальной оценкой положения дел, проявляется в рассуждениях о конкретных ситуациях и обстоятельствах. В них вопрос неравенства в доступе, связанного с внешними факторами, раскрывается более содержательно.

Во-первых, несмотря на существенное расширение доступности в потреблении инноваций и включении в инновационное производство, по-прежнему препятствием является материальное положение и время как ресурс. Даже открытая дорога через онлайн-курсы в ИТ-сферу предполагает существенное инвестирование времени и усилий, которые фактически исключают параллельную работу или занятость домашней работой, заботой о близких:

«Для включения в новую сферу (технологии, ИТ) требуется много времени на подготовку, собственное развитие. Требуется вложить время и деньги, если они есть. А если их нет?»;

«Ценнейший ресурс — это время. И, например, из-за ограниченности времени люди, которые заняты уходом или заботой о близких, могут выпасть. И тут вопрос: будешь ты заботиться о себе или о других?»

Во-вторых, ограничениями являются ментальные или психологические барьеры, в том числе способность к определенному ритму жизни, освоению нового, коммуникации, образу жизни. А также имеющиеся стереотипы о том, что определенные группы этого не могут. Так, наши эксперты говорили, что если гендерные стереотипы в этом отношении постепенно преодолеваются, то эйджизм остается актуальной проблемой, вне зависимости от реальных компетенций конкретного человека. Сюда же можно отнести культурные, образожизненные барьеры, когда вхождение в сферу инноваций требует освоения определенного «языка», без «вхождения» в который человек остается вне сферы:

«Часто люди с инвалидностью — это люди немолодые и с различными заболеваниями, в том числе ментальными. Поэтому такие сферы, где нужно очень быстро соображать, постоянно развиваться и следить за изменениями, им недоступны. И плохо, когда это не учитывается в погоне за идеей «всех устроить в ИТ»;

«В каждой новой сфере или компании есть особый внутренний язык, и чтобы туда попасть, нужно иметь не только знания, но и «войти» в этот язык».

В-третьих, значимым фактором является наличие **особой среды, которая состоит не только в организации профессионального и рабочего общения, но и в наличии определенного социального окружения, инфраструктуры для «инновационного» образа жизни.** Кроме рабочей и профессиональной среды, которая частично может быть компенсирована онлайн (хотя и здесь большое значение имеют дополнительные «тусовки» как места обмена идеями, взаимного обогащения, поиска контактов и т.д.), социальные отношения требуют круга людей, которые способны оценить и понять твои успехи, проблемы и т.д. Если человек оказывается единственным программистом, дизайнером и т.д. в своем городе, то неизбежно он обнаруживает определенную **человеческую, гуманитарную и социальную изоляцию.** Это может стать фактором маргинализации, несмотря на качество жизни и профессиональную успешность:

«Вось гэтая разнастайнасць як бы вельмі моцна ўплывае, таму што чым менш горад, тым як бы больш ён такі аднастайны ў плане падыходаў да жыцця і бачання нейкага кар’ернага росту»;

«Обязательно нужны такие платформы и тусовки типа «Имагуру», клубы»;

«Ты можешь быть крутым, но никто вокруг это не понимает. Ну, из тех, с кем ты встречаешься каждый день».

Таким образом, чтобы в каком-то городе порождалась инновационная активность и заинтересованность, там должно быть минимальное сообщество и круг тех, с кем возможна если не совместная работа, то общая картина мира (язык, образы, культура и т.д.).

Новая эпоха, дигитализация, возможность удаленного решения многих проблем часто позиционируется как ответ на вопросы социального неравенства в доступе к высокому качеству жизни. Это касается и возможности «войти в ИТ» для женщин, людей с ограниченными возможностями, людей низкого материального положения или живущих в удаленных от центров производства местах. При всей справедливости появления новых возможностей мы видим, что ограничения не исчезают сами собой и технически открытая дорога имеет много преград иного характера. Кроме того, как отмечали на одной из фокус-групп, позитивная установка на такое технологическое разрешение проблем может быть опрометчивой:

«Для людей с инвалидностью работу видят отличным вариантом. Но этим людям надо социализироваться, а к ним наоборот: сидите дома, работайте».

Притом что в целом инфраструктура инновационной деятельности и потребления оценивается не очень высоко, а иногда даже описывается как недоступная, люди, вовлеченные в инновации, существуют, и их круг медленно, но расширяется. И те, кто ступает на этот путь, вовлекаясь в более широкий мир и социальные отношения, остаются в Беларуси и своим присутствием в том числе изменяют условия и среду. Можно выделить несколько мотивов и обстоятельств такой привязанности к условиям, не способствующим развитию. Это часто тесные социально-семейные связи (семья, друзья, близкий круг общения), а также привязанность к знакомой среде. Кроме того, для некоторых действительно установки на вклад в развитие Беларуси, и свой выбор страны они делают как вклад в ее развитие. Есть и более прагматически причины. Так, жизнь в Беларуси является менее затратной (особенно если речь идет о содержании семьи), тогда как присутствие в глобальной сети отношений дает и высокий доход, и возможности в любой момент оказаться в необходимой точке мира. Отмечается также и возможность достигнуть успеха на фоне более низкой конкуренции и перенасыщенного рынка, большей доступности в завязывании необходимых связей (неширокий круг). Здесь достижения будут более видны и высоко оценены по сравнению с переполненной коммуникативной и рыночной средой других стран.

Обозначенные факторы — личностные качества, компетенции и доступность — влияют на место, которое каждый человек может занимать в новой, постепенно формирующейся социальной структуре. Взаимодействие и наложение действия этих факторов может либо усиливать вовлеченность, либо усиливать исключенность из группы (страты), базирующиеся на месте в инновационном процессе.

Дополнительным фактором могла бы стать профессиональная принадлежность к ИТ либо высокотехнологичным индустриям, или, точнее, включенность в них. Это, казалось бы, автоматически включает человека в ту или иную страту. Однако расширение цифровизации и технологизации на самые разные сферы делает этот фактор довольно формальным и временным. Даже сегодня профессиональная или трудовая причастность к высокотехнологичному производству является основанием для включения в определенную социальную группу. Однако обратное — неверно. Непричастность не означает, например, невключенность в потребление новшеств. Кроме того, нам представляется, что выдвигание этого фактора для анализа может «затемнять и упрощать» суть нового социального структурирования. При этом, по итогам интервью, мы обнаружили, что технологии и цифровизация сегодня воспринимаются как непереносимое условие любых инноваций. Даже когда речь идет о создании или потреблении чего-то вне ИТ-сферы, и там с необходимостью будет отмечена ключевая техническая составляющая либо в «упаковке», либо в продвижении и т.д.

Следует отметить еще несколько особенностей в описаниях и самоописаниях группы «инноваторов», которые дают общее представление о собственном позиционировании и образе этой группы в Беларуси сейчас. Во-первых, как уже упоминалось, люди «первого мира», «неофилы» — это скорее психологическая характеристика человека, ищущего что-то новое, склонного к риску и т.д. Описание происходит не через тип деятельности или занятость, а через определенные черты характера, поведение, стиль жизни. Во-вторых, эта группа воспринимается как немногочисленная. Это касается действительно нацеленных на инновации, однако при этом многие находятся в ситуации освоения нового по необходимости и обстоятельствам, но специального устремления не имеют. В-третьих, принадлежность к инновационному «первому миру» не является статусным или престижным. Такие люди говорят о себе и им подобных скорее как о «странных», выделяющихся:

«Думаю, что дело не в элитности, а в эксклюзивности».

Кроме того, характеристикой, идущей в связке с приверженностью инновациям, является «предпринимательство» как установка (в духе Йозефа Шумпетера). Такой же сопутствующей характеристикой образа жизни является мобильность (подвижность, гибкость), как географическая, так и социальная, профессиональная.

Таким образом, завершая описание вовлеченности в инновации как фактора, который трансформирует социальную структуру белорусского общества, можно сказать, что она только начинает свое действие. Даже фактически разное вовлечение людей в сферу инноваций не находит достаточного отражения в представлениях, чтобы запустить интенсивное социальное воображение, которое даст «имена» и спроецирует намечающиеся различия на самопредставление белорусского общества о себе. В то же время, в самом образе жизни, поведении, установках происходит выделение групп, которые «подчиняют»

свою жизнь ритму и структуре жизни инноваций. Идет интенсивное формирование определенного «культурного кода», или того комплекса, состоящего из особого языка, привычек, норм коммуникации, образа жизни, который на уровне ежедневных взаимодействий формирует границы социальных групп. Люди «первого мира» в Беларуси сейчас — это чаще всего люди, которые адаптируют и привносят в наше общество глобальный, мировой контекст и стандарты потребления, образа жизни, занятости и т.д. Основная установка же по отношению к инновационным процессам колеблется от адаптации до непринятия (однако это требует отдельного изучения). Группа людей «первого мира» оказывается «передовым отрядом» внутри общества, вынужденного двигаться вслед за мировыми процессами. При этом очевидно, что часть сковывающих обстоятельств — это законодательные и практические ограничения, снятие которых, возможно, высвободит большой потенциал изменений.

II. Организация труда, занятость и свободное время

Под воздействием инновационных процессов происходит изменение характера производства, функционирования экономики и, соответственно, организации труда. В обобщенном виде об этих изменениях можно говорить как о расширении сферы «нестандартной занятости». В данном случае, «нестандартная занятость» охватывает все то, что в индустриальную эпоху хоть и присутствовало в экономике и сфере труда, но составляло небольшую долю среди основных видов занятости или имело отношение только к определенным профессиям (например, свободные художники), оставалось за рамками технологически организованного производства. Стандартность занятости и технологичность, лежащая в основании процесса производства, ограничивались не только промышленностью. Индустриальная эпоха подчиняла своей установке и образование, и культуру, и все остальные сферы. Нестандартная занятость — это все то, что выбивалось из рамок регулярно организованного производства вещей, услуг, идей.

Стандартная занятость в экономике, ориентированной на индустриальное производство, характеризуется нормированным (специально выделяемым, подлежащим учету) рабочим временем и, соответственно, определенным свободным временем. Такая занятость предполагает наличие рабочего места, более или менее четкой структуры рабочих отношений, подчиненных технологическому процессу. Также выделяется четкая и понятная линия карьерного движения, перехода от одной рабочей позиции к другой, иерархия этих позиций.

Важно также, что стандартная занятость индустриальной эпохи не только имела массовый характер, но и была обеспечена механизмами социальной защиты, разработанными системами контроля отношений, реализации прав, отстаивания интересов и т.д. Речь идет о размере рабочего дня, гарантиях, наличии профсоюзов. Нестандартная занятость контрастировала не только с ритмом, но и с неясностью в защите, контроле, обеспечении прав. Кроме того, «стандартная система занятости» имела свое отражение и в общественных представлениях об иерархии профессий и социальных статусах. Советская социальная система как нельзя лучше ложилась на такую стандартизацию, закрепляя ее тем, что выпадающие из системы не просто являются уникальными и нестандартными, но и незащищенными и даже маргинальными. Несмотря на то, что рыночные отношения внесли существенную подвижность в эти статусы, иерархия профессий и занятости для современного белорусского общества остается в основном в рамках «стандартной системы», т.е. понятными и гарантированными нормами видами работы и досуга. А распределение по

позициям в рамках стандартной занятости напрямую связывается с представлением о социальной структуре в обществе, группах, слоях и классах.

Инновационные процессы и технологическое развитие расширили диапазон и объем нестандартных форм занятости и труда так, что вызвали переосмысление самих отношений между человеком и трудом, временем труда и досуга.

Ситуация, связанная с пандемией COVID-19, стала дополнительным стимулятором для разворачивания процессов трансформации в области труда и занятости. Она подхлестнула уже существующие тенденции, новые форматы работы сначала были опробованы в качестве экстренного ответа на вызов, но постепенно были освоены. А затяжной характер пандемии поставил вопросы о перестройке многих областей экономики и практически сегодня вынуждает склоняться к новым формам даже тех, кто готов был держаться за прежние отношения.

Отдельными движущими силами в стремительном расширении удаленного формата работы стали «аутсорсизация в производстве» и «уберизация экономики». Вынесение отдельных функций или задач на субподряд внешнего исполнителя стало важной тенденцией развития современных компаний. И сегодня в особенности это касается не производства вещей, а услуг, производства событий, медиа- и арт-продуктов и т.д. Ивент-агентства, большие медиа, креативная индустрия стремятся удерживать лишь общую инфраструктуру движения проектов и заказов внутри, а исполнение переходит во временные отношения, завязанные на проекты и не завязанные на присутствие на рабочем месте. Временное использование вещей и человеческого ресурса перераспределяет и переструктурирует отношения. Это стимулирует и востребует работу временную, проектную и вне офиса. Такая система не только более гибкая и адаптивная для рынка, но и оптимизирует расходы на помещения и, главное, на гарантии трудовых отношений.

Обозначим несколько ключевых явлений, которые характеризуют трансформацию всей сферы труда и занятости и оказывают воздействие на социальную структуру современных обществ, и белорусского в том числе.

Проектность организации труда, производства и творчества. Сегодня все чаще трудовой коллектив собирается под конкретный проект, который имеет четкие временные ограничения, начало и обязательно конец, а результат описан как определенный продукт (эффект), появление которого является целью проекта. Проектность здесь — это не какой-то специфический новый тип производства, это скорее определенный способ мышления и организации деятельности, который накладывается на мир. И он распространяется на самые разные сферы: услуги, производство, образование, искусство и т.д. «Проекты» противопоставляются функционированию и процессной организации деятельности. Они как бы фрагментируют, делят на небольшие законченные части даже то, что ранее вполне воспринималось как бесконечный процесс. И эта фрагментация позволяет выстроить иные отношения и между

участниками, и по отношению к результату, и по отношению к самому продукту и производству:

«Сейчас покупают твою работу, а не твоё время».

Работа и занятость, соответственно, тоже мыслятся и организуются как «проекты». Это накладывает отпечаток на характер заработка: проект может приносить большой заработок, но его окончание означает и окончание заработка (это не оклад, привязанный к рабочему месту). Перестраивается и отношение к загрузке работой и необходимости накоплений:

«То густо, то пусто. Надо сразу закладывать, что может быть время без проектов»;

«Можно рассчитывать только на себя... А если вдруг заболеешь, то никто за тебя не сделает».

Изменяется и содержание работы: при необходимости двигаться от проекта к проекту сложно рассчитывать на одинаковую конфигурацию компетенций и профессиональных обязанностей. Это означает, что человек рассматривает себя как комплекс возможных профессий или позиций, и их расширение может делать его более или менее приспособленным к частой смене проектов (более или менее успешным на рынке). Человек движется от проекта к проекту, что меняет также представление и о «карьере», которая оформляется скорее как портфолио:

«Сейчас карьера именно заключается в том, насколько ты можешь создавать ценность для других людей»;

«Именно портфолио, именно экспертность, именно узнаваемость человека как такового — это да, это сейчас показатель успешности во всех абсолютно отраслях».

Профессиональная или рабочая коллективная идентичность и рабочие отношения в рамках проектов становятся предметом отдельной заботы и интенсификации. Здесь сочетаются, казалось бы, противоречащие друг другу изначально принятая временность (конечность) отношений и важность командного духа, тесной работы для достижения результатов. Краткосрочная структура отношений ограничивает период вызревания неформального доверия. В итоге практики «строительства коллектива» (*team building*) становятся не дополнительным, а важным технологическим элементом реализации проекта.

Существенное изменение претерпевают и социальные гарантии. Формально в трудовом законодательстве проектная работа попадает в разновидности срочного договора. Однако практика современных отношений показывает, что чаще на такие виды работ заключаются гражданско-правовые договоры (договор подряда или договор оказания услуги), которые не подчиняются трудовому законодательству и не содержат тех самых социальных гарантий. Здесь большое значение имеет белорусский контекст: плохо отрегулированное, непрозрачное законодательство, которое существенно усугубляется возможностью самой

разнообразной трактовки, произвольного правоприменения и действием законов «задним числом». Поэтому гражданско-правовые отношения более удобны как нанимателям, так и, как ни странно, исполнителям, т.к. не связывают обе стороны ничем вне пределов условий договора и ограничивают их соприкосновение с контролирующими органами. И эта свобода в актуальных условиях оказывается более привлекательной, чем гарантии и права, по крайней мере, для того социального слоя, который все более осваивает такого рода отношения и проектную работу:

«Постоянно изобретаются какие-то вещи, и есть огромная неуверенность, что я все сделаю правильно»;

«Они готовы платить налог, но если бы это было, что называется, с презумпцией невиновности: мне не надо ходить это подтверждать, с кем-то согласовывать, получать какие-то там разрешения — вот это все людей очень сильно пугает, потому что, конечно, государственная бюрократическая машина...»

Таким образом, проектность как характеристика организации труда — это не просто актуализация временной работы, которая имеет свои плюсы и минусы, но и **изменение сути «труда» и «профессии» как части самопонимания человека и его социальных отношений**. Проектность порождает востребованность «фрилансеров» — такой социальной категории, которая объединяет довольно широкий спектр типов занятости, но прочно связывается с самостоятельностью движения и временностью рабочих отношений в рамках проектов.

Так, Ричард Сеннет в своей работе «Коррозия характера»⁷ утверждает, что работа в условиях «прерывной» и мозаичной действительности теряет свою роль силы, формирующей жизненный путь индивида, придающей смысл его усилиям по обретению социальной значимости. Работа теряет свой смысл для структурирования и раскрытия личности по нескольким направлениям: работа как карьера; работа как становление характера; работа как установление социальных связей.

Расширяющийся проектный способ организации экономики и образа жизни, возможно, ставит вопрос и об иной базовой этической системе и месте и содержания труда в ней. Если вспомнить связанность капиталистического производства и протестантской этики (по Макс Веберу), то характер труда в новую эпоху может востребовать иное отношение. Так, Люк Болтански и Эв Кьяпелло, обсуждая «новый дух капитализма», пишут: «Жизнь воспринимается как ряд проектов, тем более высоко оцениваемых, чем больше они отличаются друг от друга. Важно постоянно чем-то заниматься, никогда не быть вне проекта, без идей, всегда пребывать в предвкушении, готовности делать что-то вместе с другими людьми, к встрече с которыми приводит непрекращающийся порыв активности. Каждый проект — это

⁷ См.: Ричард Сеннет. **Коррозия характера** / Пер. с англ. В.И. Супруна. — Новосибирск — М.: ФСПИ, «Тренды», 2004.

возможность для развития своей «пригодности к найму»⁸. Здесь мы видим, что самореализация и сущность человека связываются не с трудом как таковым, а определяются в отношениях созидания, творчества, сотрудничества.

Работа на удалении (экстерриториальность). Развитие технологий и изменения в организации производства расширяют возможности включения в рабочие процессы без физического присутствия. Они увеличивают разнообразие конфигурации физического места или пространства, отдельных работников и трудового коллектива. Отсутствие необходимости присутствовать на рабочем месте дает возможность совмещать одновременно несколько проектов или работ. Она открывает широкие перспективы для международных проектов, в которых участвуют люди, не только живущие в разных странах, но и в разных часовых поясах. Физическое неприсутствие может предполагать самые разные варианты синхронизации: от одновременной работы в разных точках до полной рассинхронизации выполнения различных работ в удобное для работника время. Отсутствие привязанности к рабочему месту дает свободу и в том, чтобы выстраивать свое рабочее время в соответствии с собственным ритмом:

«Это дает гораздо больше свободы. Причем начиная от распорядка дня — огромное количество людей работает в свободное, удобное время по ночам, например. Это, с одной стороны, и ориентация на тот же американский рынок или западные рынки из-за сдвига во времени, так и, с другой стороны, просто людям комфортно, они считают, что ночью они более креативны, им легче думается».

Ситуация с пандемией COVID-19 открыла шлюз для переосмысления любой деятельности в направлении возможности удаленной работы и аутсорсинга. А технологическая обеспеченность «удаленки» расширяет возможности всех «нестандартных» форматов занятости: неполный день, гибкий график и т.д.

Возможность дистанционной работы как распространенная и расширяющаяся практика связана сразу с целым рядом социальных явлений, в том числе меняющих социальное положение и структуру общества.

Во-первых, к экономической активности получают доступ группы, которые ранее были исключены или крайне слабо включены в экономику и занятость: люди с инвалидностью, пенсионеры, женщины, ухаживающие за детьми, или домохозяйки, а также учащиеся или совмещающие работники. Это меняет их качество жизни и социальный статус, заставляет пересматривать отношения, взаимозависимости в семьях и в обществе в целом.

Во-вторых, структурирование рабочего времени, организация рабочего пространства и отношений с коллегами становятся делом и обязанностью самого работника. С одной

⁸ См.: Люк Болтански, Эв Кьяпелло. **Новый дух капитализма** // Логос. — 1(80). — 2011. — С. 70-101.

стороны, речь идет об обретении свободы и получении дополнительных возможностей, с другой — о перенесении ответственности и снятии обязательств и гарантий с работодателя, т.е. переформатировании трудовых правовых отношений. Организация рабочего места и графика дома — это отдельная задача, которая иногда не по силам людям, вынужденно работающим дома.

В-третьих, рабочая география существенно расширяется, и человек может становиться частью международных компаний, рабочих команд и проектов. Это не только делает доступным более широкий рынок труда, но еще и дает новые компоненты в социальной идентичности. Это своеобразная делокализация, чувство принадлежности к интернациональным коллективам, объединенным делом или образом жизни.

Сейчас можно говорить об определенном сегменте, в котором удаленная и проектная работа стали уже нормой. В первую очередь, это ИТ, ивент-агентства, производство рекламы и визуального контента, медиа, а также «третий сектор». Однако к их модели организации становятся все ближе и иные сферы, прежде всего, образование и даже медицина (в формате онлайн-консультирования, например).

Производство как творчество. Одновременно с массовостью производства вещей расширяется рынок «продуктов», в основании которых лежит творчество, уникальность, рукотворность. Речь идет как о креативных индустриях, в которых основой продукта являются идеи, интеллектуальный или художественный вклад, так и о новом ремесленничестве, которое распространяется не только на вещи, но и на все остальное. Еще недавно обсуждалось возникновение «креативного класса» как особого слоя, который выделяется наряду с «рабочим» и «обслуживающим» классами⁹. Развитие и увеличение этого класса называли индикатором постиндустриальной экономики. Сегодня же мы можем говорить о том, что характеристика «креативности» становится не «выделяющей» те или иные профессии или тип труда. Это скорее качественная характеристика любого труда, которая делает его современным. Эта тенденция целиком укладывается в инновационную идеологию и подход, где основным производственным фактором является производство новых идей, образов, знаний и т.д. И это значит, что в любом труде ценность все более переносится на новизну, идеи и т.д.

С другой стороны, эта тенденция — способ утилизации и обращения в полезное русло высвобожденной энергии и времени, нацеленных на саморазвитие и самореализацию. В качестве последствий такой «креативизации» труда можно отметить фиксацию любительского творчества и самореализации как формы занятости (самозанятости) и труда, а вместе с ними и встраивания такой формы в социальную структуру, определения ее места

---

⁹ См.: Ричард Флорида. **Креативный класс: люди, которые меняют будущее** // *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. — Классика-XXI, 2005.

среди других групп и отношения к ней этих групп. Такого рода деятельность ранее не рассматривалась и не квалифицировалась как труд:

«Сейчас действительно можно найти возможность поработать (я говорю про именно творческие работы) в том же интернете, можно поработать два часа в день и нормально обеспечивать себе заработную плату...»;

«Раньше она дома сидела и делала это для себя. А потом в Instagram поставила, и вот уже продает, и это работа...»;

«Сейчас, по сути, творчеством могут зарабатывать кто угодно... То есть, создавать — это очень тяжелый труд, это талант. Но, по большому счету, именно эта связка «труд—талант—деньги» очень сильно упростилась».

Таким образом, происходит не только переоценка значимости творчества в любой профессии, в любом производстве, но одновременно граница «профессий», труда, занятости размывается, и работой становится то, что таковым не считалось ранее: любительское творчество, практики саморазвития и т.д.

Здесь также можно говорить о вовлечении в экономику тех кругов, которые раньше были исключены из «трудовой сферы». В то же время, происходит переоценка компетенций многих профессий, где творческий продукт получает свое признание через публичную сферу. А значит, и критерии компетентности и качества (а с ними и «цена» труда) становятся все более зависимы от мнений и оценки публики, от технологий продвижения и раскрутки.

Предпринимательство как образ жизни и действия. Предпринимательская установка сама по себе не является характеристикой сферы труда инновационной эпохи. Хотя можно предположить, что развитие этой установки является базисом для наступления новой эпохи, однако она не рассматривается как маркер постиндустриального мира. Тем не менее, в белорусской ситуации, как отмечалось в ходе интервью, освоение предпринимательского взгляда и образа действия идет рука об руку с установкой на новое и усвоением логики инноваций. Здесь предпринимательство понимается в первую очередь не как форма собственности (индивидуальный предприниматель, ИП), а в духе Йозефа Шумпетера — как функция новаторства, поиска и осуществления «новых комбинаций»:

«Те, кто больше ориентируется на самозанятость и создание ценностей, т.е. предпринимательское мышление, они именно ориентируются на очень быструю обратную связь. Огромное количество непрофессиональных (ну, в старом понимании) людей идут, пробуют, делают, получают отклик, корректируют, зарабатывают деньги здесь и сейчас»;

«Предприниматель — это просто человек, который находит удачную возможность и своими силами и привлеченными ресурсами эту возможность реализует в свою пользу»;

«Любое предпринимательство связано еще и с интересом: тебе должно быть интересно этим заниматься. Нельзя вымучить из себя это»;

«Взять от жизни как можно больше, и это скорее предпринимательский такой дух, и он очень сильно двигает людей, их компетенцию и в развитии, и в повышении своей эффективности».

В то же время, в связи с тем, что большинство фрилансеров, людей с нестандартной занятостью оформляет юридическую сторону своей деятельности в статусе индивидуальных предпринимателей (ИП), эти два явления — установка и оформление позиции — органично соединяются. При этом мы хорошо понимаем, что статус ИП отнюдь не означает инновационности в действиях, а инновационная установка не всегда находит свое выражение в таком юридическом оформлении.

Для белорусской экономики и общества, которые долгое время отторгали предпринимательство как чуждый элемент (и это отторжение было задано государственной политикой), такое совмещение новой эпохи, наступающей вопреки всему, и формы, в которой возможно влиться в основные тренды этой эпохи, весьма симптоматично.

Предпринимательство и бизнес (собственное дело) не всегда связаны с инновационностью, основной мотив лежит в стремлении к свободе, как финансовой, так и в содержании и организации труда:

«Быть самому себе начальником, не работать необдуманно «на дядю»;

«Самостоятельно определять рабочий день и чем заниматься. Следовать своему интересу, где лежит любопытство и энергия»;

«Это возможность самореализоваться, без сложного согласования с высшим руководством внедрять какие-то техники, свои наработки»;

«Возможность реализовать свои идеи»;

«Для меня это постоянный челлендж, это как средство, чтобы жить было интересно»;

«Это как игра: создаешь что-то лучшее, чем у других, и получаешь за это прибыль, зарабатываешь на этом».

В ходе специальной фокус-группы обсуждалось, что к предпринимательству «толкают» усталость, неудовлетворенность прежними трудовыми отношениями и желание финансовой свободы и обеспеченности. Но, попадая в пространство самореализации и рынка, люди вынуждены играть по правилам, и эти правила во много задаются эпохой, необходимостью постоянного поиска, риска, новаторства.

Четыре описанных выше явления не являются исчерпывающим комплексом характеристик изменений в сфере труда и занятости, однако для наших респондентов именно они очерчивают те преобразования, которые сказываются на образе жизни и социальных отношениях. В результате отмеченных изменений можно наблюдать **несколько важных социальных эффектов, задающих основания для новой социальной структуры.**

Во-первых, это **прекарность труда**, т.е. нестабильность и негарантированность как самой занятости, так и условий и договоров с работодателем. В момент появления термина «прекариат»¹⁰ речь шла прежде всего об отдельных группах, которые в рамках развития капитализма оказываются под угрозой. Сегодня тенденции, которые задаются технологическим и инновационным развитием, делают прекарность все более распространенной характеристикой для любого труда вообще. Для белорусской ситуации эта характеристика становится еще более актуальной в силу тотального распространения системы краткосрочных контрактов, которые делают любые трудовые отношения ненадежными, негарантированными:

«Будущее не определено, и среда достаточно конкурентная. Работники находятся в постоянном стрессе и опасениях, что это все может плохо для них закончиться».

Расширение нестандартной занятости среди тех, кто включен в инновационные процессы, и необеспеченность ее правовым регулированием и социальными гарантиями делает всю эту группу уязвимой. Ненадежность трудовых отношений, негарантированность прав сопутствуют даже самым престижным сферам, хотя там это часто компенсируется высоким заработком и высокой же востребованностью. Однако если предположить, что обозначенные тенденции в сфере труда и занятости будут распространяться, то это потребует выработки новых механизмов закрепления прав и обеспечения устойчивости. При этом очевидно, что в наших условиях речь идет не столько о доработке необходимых документов и правил, сколько о смене общей системы регулирования и ее базовых правил, которые по сути своей настроены на то, чтобы граждане не чувствовали гарантированности и защищенности ни в чем:

«Я понимаю, что надо рассчитывать только на себя»;

«Стабильная работа — органически не мой тип. Я взвесила плюсы и минусы, и «свобода» перевесила».

При общем понимании проблемы незащищенности в ходе интервью и фокус-групп мы обнаружили, что **прекарность новых форм занятости не осознается как серьезная проблема.** Пока свобода, обретаемая в этих новых видах занятости и в новом содержании труда и его формах, возможности и открытость новых перспектив перевешивают те проблемы, которые

¹⁰ См.: Гай Стэндинг. Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

связаны с незащищенностью. Дополнительными факторами здесь выступают: ограниченный объем вовлеченных в новые виды труда и то, что среди них преимущественно молодые люди, которые откладывают вопросы возможной нетрудоспособности (проблемы со здоровьем, проблемы, связанные с возрастом) или же неспособность быстрого развития (успевание за рынком) и т.д. Рамочным обстоятельством также является указанная выше общая для страны ситуация «краткосрочных контрактов» и требований лояльности (для госслужащих), что создает в целом обстановку незащищенности даже в традиционных видах деятельности. Таким образом, издержки, которые ясно осознаются, тем не менее, окупаются как свободой и определенным азартом, интересом, амбициями, так и возможностью получения экономических выгод (или надежд на них). Кроме того, в этих сложных условиях люди вырабатывают стратегии распределения рискованных и менее рискованных действий. Например, совмещают фриланс и участие в проектах с постоянной работой или совмещают проекты в более рискованной инновационной области с теми, где доход гарантирован.

Согласно исследованиям, для белорусского общества по-прежнему более распространенной остается стратегия «стабильности», поэтому объем рынка «новой организации труда» пока поглощает тех, кто имеет противоположные тенденции (к риску, гибкости, мобильности и т.д.)¹¹. Емкость новых сфер еще невелика, а «старые» пока работают, давая возможность реализовать установки стабильности. В то же время, каждый кризис, сказывающийся на рынке труда, делает все менее широкой базу для стабильной, нерисковой и обеспеченной занятости. И ситуация с пандемией COVID-19 является катализатором расширения нестандартной занятости, а вместе с ней и проблемы прекарности, т.к. в «новую занятость» будут включаться люди, которые не выбирают ее согласно зову своей натуры, а вынуждены переходить на новые условия. Таким образом, вопрос неравенства перед незащищенностью в ближайшее время будет актуализирован, и это неравенство будет иметь личностно-психологический характер. При общих равных условиях в более выгодном положении окажутся те, кто готов психологически и компетентно самостоятельно организовывать «подушку безопасности», график работы без ущерба здоровью, защиту от мошенничества при заключении договоров и т.д.

Вторым важным эффектом является **трансформация профессионального образования и общей образованности как основы образа жизни**. Скорость изменений и требования следовать этим изменениям ставят задачи на постоянное обновление профессиональных знаний и квалификаций, система карьеры как портфолио ставит задачу на получение многих квалификаций и постоянное обновление компетенций в разных областях. В отдельных областях (например, ИТ) речь идет о появлении класса «новых воротничков» — работников-профессионалов, чья образовательная траектория

¹¹ См.: Дарья Урбан. Ценности населения Беларуси. Результаты национального опроса населения // Исследовательский центр ИПМ. — Май, 2019: http://www.research.by/webroot/delivery/files/SR_19_01.pdf.

складывается только из совокупности краткосрочных курсов, которые позволяют быстро трансформировать свое портфолио в соответствии с требованиями рынка¹². С другой стороны, творческий компонент всех видов деятельности актуализирует не сферу знаний, методов и навыков, а скорее фантазию, воображение, проявление собственного характера и т.д.:

«Раньше образование — это был такой большой, тяжелый путь, на который надо стать и идти по нему. Сейчас это маленькие кусочки, из которых ты можешь собрать пазл, который тебе интересен».

Это означает, что профессиональная подготовка становится постоянным процессом, который работник обеспечивает и организует себе сам. Даже когда речь идет о больших компаниях, там могут предоставляться все возможности, но в итоге ответственность за движение и профессиональный рост лежит на самом человеке. Более того, самообразование становится условием успешности:

«Большой упор делается в добывании знаний, в самообучении. Если ты не готов к такому самообучению, то останешься на нижних ступенях либо вообще не попадешь в эту сферу».

Кроме того, обучение и подготовка идут параллельно рабочим процессам и востребуют краткие и эффективные «курсы». Содержание профессиональной подготовки в данном случае зависит либо от прогностического и дидактического таланта работника, либо от моды и успехов в продвижении образовательных услуг. Это означает, что появляется слой «новых цифровых ремесленников». Сегодня это в первую очередь очень молодые люди, которые успешно осваивают новые техники и методы работы как постоянно растущий набор инструментов для решения новых и новых задач. В этих обстоятельствах им необходимо делать выбор между «неэффективным» образованием с опорой на теоретическую базу и освоение «непрактичных» предметов, которые позволяют организовать мышление и задают картину мира и, с другой стороны, «эффективным», с точки зрения актуального применения, наращиванием новых и новых практических знаний прямого применения.

Следует отметить, что вместе с этими обстоятельствами изменяется и социальный статус этих двух типов образования: гибкой профессиональной подготовки, собираемой как пазл, и фундаментального образования. И хотя по отношению ко второму остается еще социальный и культурный пиетет, быстрая наглядная успешность первого все более и более придает ему статус, в том числе социальный, который идет вслед за успешностью. В Беларуси ситуация усугубляется фактически несложившейся системой высококачественного фундаментального

¹² См.: Джинни Рометти. Немногие осознают, что в будущем нас не ждет ничего хорошего // Хайтек+. — 23.02.2019: <https://hightech.plus/2019/01/23/glava-ibm-nemnogie-osoznayut-cto-v-budushem-nas-ne-zhdet-nichego-horoshego>.

образования, профанацией университетов. В ближайшие годы мы будем наблюдать все более стремительную смену иерархии социальных статусов в связи с образованием.

В перспективе же обнаруживается проблема, которую обсуждают в странах, где ИТ-сфера перестала рассматриваться как элитарная, а работники, обладающие высокой и динамичной инструментальной подготовкой, рассматриваются как новый пролетариат. Эта проблема состоит в низком потенциале развития человека, не получившего базовый каркас образования, в том числе в области гуманитарных знаний и социальных компетенций. Повышение значимости *soft skills* отчасти является ответом на этот вызов. Однако и эти навыки, будучи освоены как техники (техники коммуникации, презентации, организации работы и т.д.), могут не решать проблемы, а становиться лишь дополнительной инструментальной оснасткой.

Можно предполагать, что структурирование белорусского общества в ближайшем будущем будет задаваться, с одной стороны, наращиванием слоя «новых воротничков» (преимущественно числа из молодого поколения) и, с другой стороны, формированием слоя тех, кто получил качественное образование за рубежом. Они будут конкурировать за верхние позиции в социальной иерархии. И результаты этой конкуренции будут задавать основания для всего остального общественного пространства.

Еще один фактор образования, необходимый для продвижения в своем деле, это среда коммуникации и обмена идеями. В ходе интервью и фокус-групп мы слышали, что без возможности участия в различных форматах профессиональной коммуникации (митапах, встречах, хакатонах) не может быть никакого роста. Такие площадки становятся неотъемлемой составляющей профессионального образования, которое теперь сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Доступность таких площадок, возможность встретиться с «крутыми специалистами», возможность найти и выбрать авторитетов и учителей, вступить с ними в коммуникацию — это дополнительный фактор профессиональной успешности и социального положения. Очевидно, что развитие разного рода клубов и сообществ создает и структуру социальных групп, для которых доступен или недоступен такой способ развития.

В-третьих, происходит **деформация свободного времени**. Индустриальная эпоха сделала деление на рабочее и свободное время неизменной частью нашей жизни. Причем свободное время представляло собой важное пространство для «восстановления человеческой сущности», которая «потребляется» в режиме конвейерного производства. Наличие свободного времени и его наполненность характеризовали не только вопросы гуманности и справедливости, но и определяли образы жизни разных слоев общества.

Сегодня такое разделение на свободное и рабочее время выглядит все более сомнительным. Если в прежнюю эпоху нечеткость разделения характеризовала лишь отдельные слои (людей свободных профессий (художников, писатели и т.д.) и бизнесменов,

круглосуточно вовлеченных в свое дело), то сегодня характер инновационного производства приблизил и всех остальных к такому образу жизни.

С одной стороны, «свободное время» все более и более преобразуется во вспомогательное рабочее пространство. Оно заполняется: а) коммуникативными актами, в которых идет постоянный скрининг будущих проектов и наращивание социального капитала; б) самообразованием и профессиональной подготовкой в различных формах, которые могут быть конвертированы в будущую занятость; в) социально значимыми проектами, которые также могут стать частью портфолио:

«Вот я пошла в бар выпить, поговорила там, и проектик новый нарисовался. Это я работала? Да. Я все время ищу новые возможности»;

«Еще не пошел завтракать, но у меня уже срочное письмо или в мессенджере сообщение от коллеги, я начинаю с ним переписываться и отвечать. Я уже на работе или я еще дома?»

Интересно, что большие ИТ-компании стремятся охватить все эти виды занятости в свободное время своими программами, создавая полный «жизненный мир» своего сотрудника.

С другой стороны, «рабочее время» наполняется большим объемом коммуникаций, в том числе неформальных, чтением и другими видами занятий, включая релаксирующие процедуры, которые традиционно относились к свободному времени.

Постепенное размывание границы между рабочим и свободным временем требует высокой степени рефлексии и самоорганизации от человека. В ином случае возникает опасность потери возможности на восстановление, полное «расходование» ресурсов человека. При этом новое понимание времени, занятого творчеством, коммуникацией или учебой, пока слабо отражено в общественных представлениях, где человек, не имеющий графика работы, выглядит «постоянно свободным». В частности, это ведет к перегрузке людей, работающих из дома, например, женщин, на которых остаются их домашние обязанности.

Четвертым эффектом изменений в сфере труда является **актуализация публичности, медиапредставленности в формировании социального статуса и карьеры**. Как уже упоминалось выше, понимание карьеры претерпевает существенные изменения. С одной стороны, по-прежнему остаются области деятельности и профессии, где статус и иерархия сохраняются. Также ступеньки карьерной лестницы более или менее очевидны в рамках компаний или больших организаций. С другой стороны, широкое развитие фриланса, аутсорсинга и того, что называют *gig*-экономикой, создает огромное пространство, в котором прежняя карьерная система ориентации утеряна. Однако и здесь статусы и рейтинги не отменяются. Людям по-прежнему необходима система ориентации в пространстве рабочих предложений. В этом пространстве механизм статусов работает через публичность:

собственный бренд, имидж, медиавлияние. Самым очевидным примером здесь являются «блогеры», которые не вписываются в структуру квалификаций или профессий, а также в представления о содержании труда. Однако они не только занимают определенный сегмент на рынке, но и становятся элементом социальной и даже политической структуры. Вместе с ними в пространство профессиональной структуры и иерархии могут начинать входить новые основания для оценки или структурирования профессионально-социальной сферы: аудитория, известность, узнаваемость и т.д., т.е. то, что апеллирует к объему привлекаемого внимания, влиятельности и т.д.:

«Совсем вопрос статуса не исчезает. Людям хочется понимать, как они соотносятся с другими людьми. Но этот статус перестает быть формализован в виде табеля о рангах и т.д., что было в классическую и даже индустриальную эпоху (гильдии и т.д.). У каждого есть одна или несколько референтных групп, в которых для него важно, что о нем думают и неформально считают, что он один из нас и он один из лучших»;

«Сегодня если за вами повторяют, значит, вы имеете статус. Статус определяется способностью быть услышанным, повлиять на людей».

И если раньше такой механизм действовал лишь в определенных сферах (например, в искусстве), то сегодня медийное пространство становится пространством определения социального статуса самого широкого круга профессий и видов деятельности:

«Самая близкая аналогия: люди, не будучи людьми творческих профессий, начинают себя вести и зарабатывать как люди творческих профессий».

«Медийный механизм» определения социального статуса означает, что этот статус не закрепляется формально, он находится в режиме постоянно подтверждения. Этот статус задается отношением публики или референтной группы, т.к. большинство профессий и занятий не требует широкого общественного признания. Но для каждой «профессии» есть своя публика, которая своим вниманием раздает и подтверждает социальный статус. Фраза «широко известный в узких кругах» здесь приобретает новое неметафорическое звучание уже как форма представленности в профессиональной сфере.

Можно сказать, что эти два пути «карьерного» движения сосуществуют как два параллельных мира, и социальные статусы в одном мире практически нельзя перенести в другой. Поэтому каждый человек, рассматривая свою профессиональную карьеру, фактически стоит перед выбором пути. Каждое из этих параллельных пространств задает свои законы движения и определенный образ действия. Так, например, маркером «построения карьеры» через публичное пространство становится активность в социальных сетях:

«Активность в Instagram — это серьезный показатель того, строит человек личный бренд или не строит».

Последствием такого развития механизмов формирования карьеры становится высокая сегментация общества по тем коммуникативным, медийным пространствам, каждое из которых задает собственные статусы. Можно сказать, что каждый круг вырабатывает свои порой негласные правила, но эти правила слабо соотносимы с тем, что котируется в другом кругу. Выше мы упоминали, что для отдельных инновационных сфер возникает свой «язык», без освоения которого невозможно включиться в социальные отношения. Медийный характер статусов дополняет эту тенденцию в сегментации социального пространства. По сути, не будучи включенным в коммуникацию референтной группы в том или ином деле, ты не можешь понять ни статусов, ни критериев их расстановки. А подвижность этих статусов добавляет препятствий в том, чтобы различные сферы и области становились понятными и принятыми для всего общества:

«Те, кто надо, как говорится, меня и так знают, а те, кто меня не знает — и слава богу, что они меня не знают».

Таким образом, значительно уменьшается пространство разделяемых, конвенциональных социальных статусов и понятных всему обществу социальных позиций, сужается общее пространство представлений и социального воображения. В то же время, растут коммуникативные барьеры для горизонтальной социальной мобильности.

Отдельно следует отметить особенность медийной карьерной траектории. Здесь профессия сливается с самим человеком. В публичном пространстве он предстает скорее персонажем, а не работником с конкретными компетенциями. Эти профессии обычно не имеют конвенционального наименования, здесь работает имя. И связанность со своей публикой, референтной группой ставит человека в зависимость от включенности в данную сеть отношений, т.к. без нее он не имеет разделяемого, понятного или объективированного (в принятом статусе, квалификации, дипломах и т.д.) подтверждения своей квалификации и статуса.

Отмеченные четыре эффекта задают потенциальные разделительные линии в новой социальной структуре и характеризуют складывающиеся отношения. Однако следует отметить, что все это происходит на фоне воспроизводства прежних форм занятости, которые не исчезают и не исчезнут в одночасье, а скорее будут преобразовываться и деформироваться под воздействием явлений инновационной эпохи. Это, прежде всего, говорит об утрате стройности и конвенциональности социальных статусов, понятности профессиональной и рабочей структуры, что влечет за собой увеличение коммуникации для прояснения этих вопросов в каждой ситуации и необходимости повышения социальной компетентности, осведомленности о разнообразии нового мира.

Завершая анализ особенностей новой организации труда и занятости, отметим ряд характерных черт, которые обуславливают доступность или недоступность, приемлемость или неприемлемость вступления в новые трудовые отношения. Нестандартная занятость

(проектность, фрилансерство) требует работы в режиме **периодической мобилизации и постоянного договаривания**. Мобилизация становится частью жизни, когда выполнение каких-то работ требует полного подчинения человека задаче, включая внеурочное, свободное и другое время, максимизацию усилий. Наличие такого режима предполагает определенные возможности и условия, когда человек может, например, отложить все свои обязанности и другие дела. Такой режим доступен далеко не всем, в частности, не доступен тем, кто имеет обязательства перед другими людьми или связан заботой о детях, ведением хозяйства и т.д. Также он предполагает высокую степень самоорганизации и планирования, как собственной занятости, так и восстановления сил.

В условиях фриланса или самозанятости часто отсутствует стандартное описание содержания работ и условий труда, которые связаны с данной работой или позицией, а не с конкретным исполнителем. Установление правил и рамок происходит в переговорах. Эта особенность задает специфичное мировосприятие: это не просто текучесть и свобода, но и коммуникация как стержневой процесс и точка отсчета. Здесь важной становится не только квалификация переговорщика, но и способность организации собственной защиты:

«Нужно уметь договариваться, вести переговоры, потому что, кроме тебя, тебе никто не поможет. И про сроки, и про работу. Я сначала не умела нормально договориться, а потом поняла, что это самое важное, чтобы потом не было претензий и можно было нормально работать»;

«Нужно знать, как договариваться с людьми. Нужно задавать им правильные вопросы».

Среди минусов и трудностей, которые могут стать барьером для вовлечения в новые трудовые отношения, наши респонденты называли:

- финансовую неустойчивость и незащищенность в случае потери трудоспособности (обычно эти минусы более осознаются с возрастом, появлением семейных обязательств);
- юридическую и правовую неопределенность многих рабочих позиций и форм договоров; неуверенность в собственном статусе и безопасности действий, страх перед контролирующими госорганами и т.д.;
- необходимость самостоятельно структурировать и организовывать как рабочее место, так и график работы; дополнительную непрофильную работу (освоение финансовых инструментов, поиск заказов, посещение налоговой инспекции и т.д.), которая в тому же не имеет четких и прописанных правил;
- сложность в идентификации, определении критериев собственной успешности в связи с неустановленными правилами и отсутствием конвенциональных критериев, а также возникающие социальные барьеры с близкими, которые не понимают и не принимают новых форматов работы.

С другой стороны, привлекательные черты новой занятости также задают определенный отбор. Те, кому важны получаемые преимущества, скорее будут осваивать новые трудовые отношения:

- свобода как от иерархий, структур, так и от связанности, долгих обязательств и отношений, финансовая свобода;
- возможность и шанс заработать разово, быстро достаточно большие деньги (особенно это справедливо в отношении стартапов);
- удовлетворение амбиций, известность, публичность;
- самореализация, реализация своих идей и ценностей в самых разных сферах.

Был отмечен еще целый комплекс компетенций, которые позволяют быть успешными на рынке новых вакансий и в новых трудовых отношениях. Во-первых, это организационно-информационные навыки:

- умение искать заказы (быть специалистом по сортированию): знание, где и что искать (знание платформ, сетей и т.д.), понимание культуры, стиля, этики и языка;
- ведение финансового учета выплат, а также владение знаниями о том, какими путями можно получать средства, все обстоятельства этого (карточки, договоры и т.д.);
- умение сосредоточиться и отгородить рабочее время и пространство, организовать расписание и т.д.;
- отслеживание и сбор информации о трендах, новинках, а также о том, что модно, что немодно, что происходит; умение держать руку на пульсе инноваций в своей и смежных сферах.

Во-вторых, важны социально-коммуникативные компетенции, работа с «другими»:

- способность выстроить свой образ, имидж, сделать его публичным в медиапространстве и поддерживать «образ себя» в социальных сетях;
- постоянное поддержание социальных связей (посещение площадок, разговоры и т.д., в том числе умение просто поговорить «не по делу», дружить), накопление социального капитала;
- эмпатия и способность настроиться на общую волну;
- командная работа и качество «командного игрока» как способность встраивать в общие процессы, разделять ответственность и выстраивать отношения.

В-третьих, интеллектуальные и психологические компетенции:

- быстрая реакция, т.е. способность быстро понимать и решать задачи в условиях неопределенности и неструктурированности коммуникации («как у авиадиспетчеров»);
- перенесение моделей, идей и схем из одних областей и сфер в другие (респонденты говорили о важности знания композиции, структурирования, музыки и математики как оснований для такой работы);
- структурирование информации, выделение главного и т.д., умение приложить абсолютно любую информацию к своим целям;
- быстрое обучение новому и способность углубления в тему.

И, наконец, функциональные компетенции:

- владение английским языком (и иностранными языками вообще), что позволяет гораздо быстрее узнавать новости, новые «фишки» и иметь очень широкий круг общения;
- наличие базовых, азбучных знаний о финансовой деятельности, знание простейших финансовых принципов;
- юридическая грамотность.

Все эти (особенно социальные и коммуникативные) характеристики выходят на первый план в силу нескольких причин. Во-первых, вероятно, **они не закладываются в культуре и базовом образовании и воспитании, а следовательно, представляют собой зону особых усилий, внимания.** Во-вторых, вероятно, коммуникация, мониторинг и, возможно, даже рискованные (экспериментальные) шаги становятся значимой частью профессиональной деятельности, как по объему затрат, так и по содержательному вкладу. Это особенно усиливается продвижением услуг обучения и консультирования по данным компетенциям, что вносит их как обязательный компонент в образ «современного человека». С другой стороны, отсутствие этих компетенций, психологическая неготовность к такому образу жизни или физическая, объективная ограниченность возможностей его вести создают условия для исключения из новых трудовых отношений.

III. Последствия трансформаций для социальной идентичности и сообществ

Данный короткий раздел мы посвятим рассмотрению **эффектов идентичности**, которые фиксируются при изменении отношения к инновациям и трансформации трудовых отношений. Развитие средств коммуникации и новые технологические возможности вносят свой вклад в трансформацию сферы социальной идентичности и жизни сообществ. Как отмечалось выше, изменения глубоко затронули образ жизни людей и коммуникацию, а это те основания, которые во многом задают условия и обстоятельства формирования чувства принадлежности. Кроме того, общее продвижение в области прав человека и политике идентичности получает дополнительные технологически обеспеченные формы и возможности актуализации разнообразных социальных идентичностей. Онлайн-площадки становятся дополнительным (а иногда и единственным) местом проявления голоса и предъявления себя в социальном пространстве.

Обращаясь к опыту самопонимания и самоописания себя в ходе этого исследования, мы можем выявить несколько особенностей трансформации сферы идентичности и сопричастности к жизни сообществ.

1. Профессиональная (деятельностная) самоидентификация все чаще дробится вместе с фрагментацией деятельности на проекты. Для тех, кто переходит в режим проектной деятельности (а как мы отмечали выше, этот формат работы стремительно расширяет свой охват), актуальным становится установление идентичности и чувства общности (командности) с проектом, который осуществляется в данный момент. Учитывая, что сам характер проектной работы предполагает высокую мобилизацию, плотную коммуникацию и совместное творчество, часто формирование чувства общности становится объектом прилагания специальных усилий. При этом временный характер отношений как бы заранее задает и временность этого чувства общности и принадлежности.

В ситуации, когда речь идет о проектах и работах, для которых востребованы различные способности, квалификации и профессии, объединяющее профессиональное самоопределение практически отсутствует. Социальная идентичность приобретает формат «истории» — постепенного разворачивания жизненного и профессионального пути, в котором есть разные проекты и группы, значимые или не очень. Когда вы спрашиваете человека, кто он и чем занимается, скорее всего, ответ будет представлен в форме истории смены профессий, занятий или значимых проектов.

2. Идентичность и чувство принадлежности к группе поддерживается не столько силой чувства «мы», сколько коммуникацией и временем, которое можно посвятить ей. Типичным рассуждением об определении приоритетов принадлежности среди разных групп, проектов и сообществ является обозначение перехода от включенности в дела и общение с одной группой к другой. Если учесть, что у каждого человека есть естественные временные ограничения по числу групп, принадлежность к которым требует каких-то проявлений, то развитие технологий значительно увеличивает это число. И в то же время меняет (или требует изменить) способ «принадлежать» этим группам. Поддержание вовлеченности и идентификации напрямую зависит от инвестирования времени и участия.

Умножение групп, сообществ, команд, которые составляют социальную идентичность, требует системы управления. Если ранее можно было рассчитывать на более-менее сложившуюся и устойчивую индивидуальную иерархию ролей и идентичностей, то одновременность и множественность «присутствия» требует новых форм упорядочивания. Среди описанных способов справляться с таким многообразием есть, например, упоминание инструментов *To Do List* или *Google*-календарь. А в одном из представлений респондентов совокупность идентичностей описывалась как «хоровод», в котором ситуативно что-то актуализируется.

Принадлежность к группам (сообществам) и идентификация с ними становится инструментом индивидуального позиционирования и решения рабочих задач. Иногда перемещение себя в то или иное социальное пространство напрямую связано с рабочими задачами. Обозначение своего места жительства как статуса в «Фейсбуке» работает на создание имиджа для референтной группы:

«Поставить статус в ФБ не в Минске, а в Сан-Франциско. Так просто надо. Некоторые инвесторы чувствуют, что ты там, ты включен в отношения, ты можешь, если надо, быть на встрече».

3. Большинство людей, вовлеченных в инновационную сферу и практикующих новые трудовые отношения, испытывает затруднения с тем, чтобы отнести себя к той или иной социальной группе или категории. С одной стороны, как мы уже говорили выше, сегодня нет проговоренных и хорошо очерченных категорий, в которых происходит закрепление изменяющихся социальных отношений. С другой стороны, очевидна индивидуализация пути и фактическое отсутствие потребности устойчиво и однозначно относить себя к той или иной группе. Общая установка на неопределенность, новизну, открытость и гибкость коррелирует и поддерживает отсутствие ясных категорий. Вместо них сегодня используются следующие «собираательные» определения: предприниматель, фрилансер, айтишник, консультант, люди свободных профессий. Эта собирательность — характеристика не самих «имен», а того, как они используются в

современном белорусском обществе. В первую очередь, они обозначают некий «нестандарт», подчеркивают новизну такой социальной группы. При этом сразу же за таким обозначением следуют оговорки, т.к. в такую группу попадают слишком многие и по самым разным основаниям:

«Я как бы называю себя фрилансеркой и в той или иной степени под своими «коллегами» понимаю людей, которые прежде всего хотят заниматься интересной, важной для них деятельностью или ищут себя (раз не работают в каком-то месте стабильно). А можно ли назвать фрилансером человека, который по тем или иным причинам, например, не может найти работу и подрабатывает на стройке по подряду, но если ему предложат работу, условно, в офисе, он с радостью согласится? Я бы не назвала...»

Таким образом, новые собирательные идентификации и «имена» — это лишь способ справиться с задачей отнесения себя, но не четко очерченные и осмысленные идентификации.

4. В ситуации множащейся и дробящейся проектной идентичности способом определенного заземления становится идентификация с идеями или ценностями. Преимущественно речь идет о принадлежности к широким движениям или определенному образу жизни: защита окружающей среды (экология), гражданский активизм, феминизм или гендерное равенство. Кроме того, речь может идти о стремлении во всех своих делах и проявлениях к творчеству, поиску, новаторству как ценности. Технологизация и виртуализация расширяют спектр действий, с помощью которых может быть выстроена связь с той или иной группой или позицией (вступить в ФБ-группу, установить рамку на аватаре, подписать петицию, поучаствовать в краудфандинге, делать репосты и т.д.). Развитие различных онлайн-площадок и расширение коммуникации делает возможным не только приверженность данным ценностям, но и реальную плотную коммуникацию и образование плотно коммуницирующих сообществ единомышленников.

Изменение ландшафта возможных идентичностей и форм причастности к сообществам переворачивает направленность отношений. Сегодня мы чаще можем говорить, что не человек определяется через место, сообщество и профессию, а наоборот — стягивая или собирая на себе разные профессии, обстоятельства, проекты и т.д., он как бы обозначает, задает собой новое, уникальное место, свое место в социальных отношениях.

Однако такой обернутый способ описания социальной структуры не может быть отражен в социальных представлениях об обществе, конвенционально оформлен, а значит, понятен для всех. Таким образом, сама социальная структура постепенно перестает быть чем-то, что позволяет сориентироваться, обнаружить себя и других, соотнести. Новая социальная структура становится объектом постоянного понимания, интерпретации, восстановления и самоопределения. Отдельным вопросом на перспективу является то, насколько измененные сообщества могут и далее обретать общественную и политическую субъектность, в каких формах они могут представлять и отстаивать позиции своих членов.

Общие выводы

Сегодня можно говорить о начальном этапе становления новой социальной структуры белорусского общества. Новые социальные слои и группы только намечаются в общественном пространстве и пока слабо обнаруживаются в социальных представлениях. Изменения становятся заметными по размыванию прежних представлений, по отсутствию четких идентификаций и затруднениям в том, чтобы определить, как собственное место в социальном пространстве, так и ясно описать само пространство.

Новая социальная структура очевидно имеет подвижный характер, а группы, сообщества и даже слои определяются скорее по плотности коммуникаций и по сходству образов жизни, чем по неким более формальным признакам. То есть, новая социальная структура образует своеобразную ситуативную и событийную сеть, в которой человек может определять собственное положение относительно близости с другими в данный момент. Подвижность и ситуативность как ключевые характеристики отражаются в размытых самоописаниях и преобладании нарратива «личной истории» в определении собственного социального положения.

Сходства и различия между людьми определяются прежде всего образожизненными и компетентностными характеристиками: личными чертами, привычками поведения, коммуникации и потребления, компетенциями, открывающими доступ и к образу жизни, и к выстраиванию связей, а также степенью свободы от разного рода обязательств (семейных, рабочих, связанных со здоровьем). Дополнительным фактором становится инфраструктура доступа к такому образу жизни, профессиям, коммуникациям, которая включает в себя как материально-технические условия и обстоятельства (связь, транспорт, помещения и т.д.), так и характеристики коммуникативной и событийной среды, качество отношений.

Инновационные процессы и причастность к ним задают как бы направленность и общую рамку, структурируя и иерархизируя образ жизни, личные качества, компетенции в отношении способности и пригодности к «новому миру». А этот «новый мир» выдвигает ряд требований к человеку. Во-первых, жизнь в ситуации неопределенности и своеобразная опора на эту неопределенность в своих действиях, свобода не только как ценность, но и как ресурс. Во-вторых, ответственность за себя и перманентное самоопределение как способ структурирования собственной карьеры, времени, идентичности. В-третьих, технологичность как принцип организации жизни, работы, свободного времени, которая сейчас фиксируется в цифровизации и проектности как в общих характеристиках. Эта рамка задает и новые линии неравенства.

Сферой интенсивного преобразующего воздействия на социальную структуру белорусского общества является изменение характера труда и занятости. Через нее в наибольшей мере

идет проникновение новых образов жизни, способов мышления, позиционирования и идентификации. Ситуация с пандемией COVID-19 стала дополнительным катализатором в усилении тенденций «проектности» и «удаленности» в сфере занятости.

«Проектность» и «удаленность» задают глубинные изменения в системе соотношений человека и труда, постепенно ослабляя связь человека-работника с профессией и трудовым коллективом, задавая их временность и конечность и концентрируя внимание на работнике как на точке сборки самых разных аспектов труда, профессиональных и личностных компетенций. Происходит постепенный пересмотр, казалось бы, естественных категорий, фиксирующих структуру социальных отношений и образа жизни, привязанных к уходящей эпохе: рабочее и свободное время, ступени карьерного роста, график работы и т.д. Это становится не общей, принятой и разделяемой всеми системой координат, определяющих социальные отношения, но одной из возможных систем координат, наряду с иными.

Медиа- и публичное пространство становится одним из ключевых пространств выстраивания социальных отношений не для небольшой группы (представителей творческих профессий, политиков, общественных деятелей), а для широкого спектра профессий и типов занятий. Практически медиа сегодня формируют вторую, дополнительную реальность социальной структуры белорусского общества.

Обозначенные тенденции позволяют говорить о постепенном исчезновении общего, разделяемого, отраженного в социальных представлениях социального пространства и структуры как системы ориентации в отношениях. Общая структура распадается на более или менее крупные референтные группы или сегменты, в которых устанавливаются собственные основания и иерархии, а границы этих групп представляют собой определенные барьеры, требующие усилий для освоения этих частных картин мира и представлений.

Социальное неравенство, связанное с разворачиванием инновационных процессов, пока не является предметом рефлексии и не осознается как существенная проблема. Соотношение между тем, что дают технологические возможности сегодня, и тем, какие новые барьеры возводят, очевидно на стороне первого. Тем не менее, следует отметить потенциальные линии нового неравенства. Прежде всего, оно связано с отсутствием, неразработанностью систем защиты для уязвимых групп в новых условиях трудовых отношений и доступа к широкой коммуникации (а она выполняет функцию социальной включенности). Нарботанные ранее механизмы не встраиваются в новые отношения. Второй аспект неравенства может быть задан интеллектуальной и гуманитарной компетентностью, которая способна дать человеку возможность не только в обеспечении себя работой и социальными отношениями, но и самоорганизации собственной идентичности и индивидуальности.

Подводя итоги, следует сказать, что новая складывающаяся социальная структура белорусского общества проявляет себя самыми разными способами, однако пока у нас

НОВЫЕ ГРУППЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

БЕЛАРУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ОТЧЕТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

недостаточно социологических средств для «улавливания» и фиксации этих изменений. Тем не менее, в Беларуси активно растет число людей, чей образ жизни и действия не укладываются в сложившиеся представления об обществе. И направление для дальнейшей работы по изучению этого общества должно быть задано, с одной стороны, анализом индивидуальных траекторий, а с другой стороны, исследованием связей и отношений, задающих подвижную сетевую структуру. Ключевым направлением в дальнейшем оформлении и легитимации новых отношений должна стать интенсификация социального воображения и поиска «имен» для новых явлений.

Об авторе

Татьяна Водолажская — программный координатор Летучего университета. Методолог и социолог, кандидат социологических наук (*PhD*). Окончила отделение социологии Белорусского государственного университета. В области гуманитарных исследований работает с 1996 года: вначале — как научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси, затем — как эксперт аналитической группы Агентства гуманитарных технологий. Фокус исследовательских интересов: методология гуманитарных и социальных исследований, национальная и гражданская идентичность, развитие локальных сообществ, гражданское общество, культурная политика и политика в области культуры.

НОВЫЕ ГРУППЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

БЕЛАРУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ОТЧЕТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Новые группы и социальная структура. Беларусское общество под воздействием инновационного и технологического развития

Отчет по результатам исследования

Автор: Татьяна Водолажская

Редактор и корректор: Андрей Шутов

Оформление: Андрей Шутов

Летучий университет — программа создания современного университета в Беларуси, запущенная в 2011 году.

Летучий университет

Минск, Беларусь

flyuniby@gmail.com

<http://fly-uni.org>